

Четыре дня въ деревнѣ псоваго охотника.

О х о т а н а в о л к о в ѣ .

III.

— Вставайте, вставайте, батюшка Петръ Николаевичъ. Пора, въ поле пора, услыхалъ я чей-то голосъ.

Я открылъ глаза, передо мною стоялъ старикъ Кругликовъ. На немъ было сѣраго цвѣта казакинъ съ мѣдными пуговицами, зеленой выпушкой, зелеными отворотами и такими-же шнурами на плечахъ, вмѣсто погоновъ. Подпоясанный ремнемъ, съ рогомъ черезъ плечо и сворой черезъ другое, онъ имѣлъ какой-то воинственный видъ и походилъ скорѣе на полкового командира какого-нибудь кавалерійскаго полка, чѣмъ на обыкновеннаго борзятника.

— Который часъ? спросилъ я.

— Скоро семь. Я ставни прикажу отворить.

— Гости пріѣхали? обратился я къ нему съ вопросомъ.

— Какіе гости, никто не пріѣхалъ, отвѣтилъ онъ.

— Баринъ всталъ?

— Баринъ въ городѣ.

— Когда уѣхалъ?

— Ночью. Мы боялись, какъ бы васъ не разбудить. Неужели не слышали, когда они уѣхали? Тутъ возня была большая.

— Какъ-же слышалъ. Я думалъ, что это кто-нибудь пріѣхалъ.

— Никакъ нѣтъ. Это они уѣзжали. Какъ Арсеній изъ города

пріѣхалъ, привезъ какое-то письмо, сейчасъ приказали наскоро тройку и маршъ въ городъ.

— Не понимаю, какъ онъ ѣздитъ въ такую темь?

— Сынъ Николай съ Ванюшкой выжлятникомъ до самаго города провожали.

— Стало быть сынъ-то на охоту не поѣдетъ?

— Отчего не поѣдетъ? спросилъ, удивившись, Кругликовъ.

— Усталъ, я думаю.

— Что за усталъ. Съ чего устать-то? прибавилъ онъ, видимо не понимая, что человекъ, проскакавшій пятьдесятъ верстъ, не спавши ночь, можетъ устать.

— Ну, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, прикажите мнѣ заложить лошадку: я тоже въ городъ поѣду.

— Ни въ жизнь не смѣю пустить. Строго не велѣлъ. Самъ къ обѣду непременно быть обѣщался. Не могу пустить, никакъ не могу. Мы сейчасъ въ поле сѣдлать велѣли.

Видимо онъ боялся вовсе не того, что я уѣду, а что мой отъѣздъ разстроитъ охоту и ему придется сидѣть дома.

— Погода какая, говорилъ онъ, просто лѣто, вѣтрененько только малость. Я сейчасъ мальчишку пришлю вамъ умыться подать, а самъ пойду—прикажу сѣдлать, да и насчетъ самовара распоряджусь, камердинеръ-то съ самимъ уѣхалъ, пояснилъ онъ.

Одѣвшись наскоро и напившись съ Кругликовымъ чаю, мы вышли во дворъ. Погода была чудесная. Ясное Сентябрьское утро. Небольшой вѣтеръ колыхалъ верхушки деревьевъ парка и, сшибая съ нихъ желтые листья, производилъ легкій шумъ. Хорошо было дышать этимъ чистымъ, здоровымъ воздухомъ и чувствовалась какая-то особая бодрость и веселое настроеніе. „Да, подумалъ я, хорошо жить въ деревнѣ“.

Около конюшенъ на коновязѣ стояло нѣсколько посѣдланныхъ, маленькихъ, степныхъ лошадей. Мальчишка лѣтъ пятнадцати сѣдлалъ здороваго, безобразнаго бѣлаго иноходца, съ большой горбоносою головой.

— Подъ доѣзжающимъ иноходецъ-то ходить, пояснилъ мнѣ Кругликовъ и, обратившись къ выжлятнику, крикнулъ: „сѣдай поскорѣй“.

— У насъ все готово, отвѣтилъ тотъ. Мы сейчасъ со стаей придемъ,—и, вскочивъ на одну изъ бѣлыхъ осѣдланныхъ лошадей, взявъ въ поводъ иноходца и другую легонькую бѣлую лошадку, и на рыскахъ двинулся по направленію къ псарному.

Изъ конюшни въ это время сынъ Кругликова, Николай, вывелъ чалаго киргиза и началъ сѣдлатъ.

— Копайтесь скорѣе, торопиль старикъ Кругликовъ.

Изъ избы вышелъ Василій Егоровъ и, поклонившись мнѣ низко, сказалъ, обращаясь къ Кругликову:

— Думаю, Александръ Васильевичъ, вѣтеръ долженъ быть сегодня сильный.

— Нѣтъ не должно быть, отвѣтилъ тотъ.

— Нѣтъ ужъ вѣрно, примѣта у меня есть. Пора-бы выходить, прибавилъ онъ, да вишь лошади у Петрушки нѣтъ.

— Гдѣ-же его лошадь-то?

— Въ городъ подъ фонащикомъ ходила, измучили больно. Я послалъ въ табунъ, Чубараго поймать велѣлъ.

— Ну канитель завели, сказалъ, махнувъ рукой, Кругликовъ, — тутъ на охоту, а они по табунамъ.

— Давно послалъ, должны скоро привести.

— Пойдемте, Петръ Николаевичъ, моего коня посмотримъ, — сказалъ Кругликовъ, и подвелъ меня къ саврасой небольшой, приземистой лошаdkѣ, понуро стоявшей на привязи коновязи.

— Ужъ и конь, сказалъ онъ, потрепавъ саврасаго по плечу, уменъ, спокоенъ на диво.

— Пожалуйста, проведите меня, Александръ Васильевичъ, въ конюшню, лошадей посмотримъ, — сказалъ я, и мы направились въ небольшую конюшню. Въ денникахъ и стойлахъ стояло лошадей десять. Лошади рослыя, красивыя.

— Это молодежь, — сказалъ Кругликовъ и повелъ меня въ большую каменную конюшню. Направо и налево широкаго коридора были хорошіе просторные денники и стойла. Конюха убирали лошадей. Старшій кучеръ, молодой, красивый парень, по фамиліи Морозовъ, въ кожаномъ пиджакѣ, ходилъ по коридору, отдавая приказанія и безпрестанно заглядывая въ денники.

— Что солому-то у Хвальнаго не выбросилъ! — крикнулъ онъ мимоходомъ какому-то конюху, — хвостъ Пріятному замой, говорилъ онъ другому конюху. — Возьми сала, вѣнцы Стальному намажь, отдавалъ онъ приказанія.

При нашемъ появленіи, онъ учтиво снялъ фуражку и поклонился.

— Здравствуйте, Василь Ивановичъ, сказалъ ему привѣтливо Кругликовъ. Въ поле сегодня, прибавилъ онъ.

— Пора, Александръ Васильевичъ, — надо потравить.

Подошелъ конюхъ и, подавая бутылку Морозову, сказалъ: готова кладь-то.

Они вошли въ денникъ. Въ денникѣ лежала гнѣдая лошадь и тяжело дышала.

— Что съ ней? спросилъ старикъ.

— Арсентій загналъ. Вчера въ городѣ ночью ѣздилъ. Чортъ — толку-то нѣтъ. Гонить безъ толку.

— Онъ не виноватъ, замѣтилъ я. Нужно было поспѣть къ поѣзду.

Стали вливать кладь. Лошадь жалобно застонала. Меня пере-дернуло. Въ это время въ аллеѣ послышался топотъ лошадей.

— Чубараго изъ табуна ведутъ, сказалъ, выглянувъ изъ конюшни, Морозовъ.

По аллеѣ карьеромъ мчался мальчикъ лѣтъ семнадцати на гнѣдой лошади, въ заводу скакалъ лихой чубарый конь.

— Сѣдлайте, скорѣй сѣдлайте, говорилъ Кругликовъ.

Мы вышли изъ конюшни. Мальчишка привязалъ къ коновязѣ приведенныхъ имъ лошадей и побѣжалъ за сѣдлами. Чубарый озирался, дрожалъ, пятился, испуганно посматривалъ направо и налево, видно было, что лошадь совсѣмъ дикая.

— Что онъ прямо изъ степи? спросилъ я Морозова.

— Никакъ нѣтъ-съ, прошлый годъ онъ подъ борзятникомъ ходилъ, да захромалъ что-то, въ запасные и угодилъ. Одичалъ должно быть въ табунѣ-то.

Вынесли сѣдло. Какъ ни бились, Чубарый не давалъ наложить на себя сѣдло. Собралось много народу. Наконецъ Морозовъ ухитрился и набросилъ сѣдло. Чубарый сталъ тянуть поводъ, упираясь всѣми четырьмя ногами, наконецъ вдругъ вскочилъ на дыбы—сѣдло свалилось, поводъ лопнулъ, и Чубарый, вскинувъ сильно задомъ, очутился на свободѣ.

— Уйдетъ, уйдетъ, кричали разные голоса, но мальчишка Петрушка, который привелъ Чубараго, ловко успѣлъ схватить за конецъ повода и повисъ Чубарому на мордѣ; тотъ потащилъ его по двору къ пруду, стараясь накрыть передомъ, но Петрушка, мастерски увертываясь, не отпустилъ повода; подоспѣлъ народъ и остановили лошадь.

— На этой лошади съ борзыми ѣхать нельзя, сказалъ я, обращаясь къ Морозову.

— Ничего, пойдетъ, обойдется, отвѣтилъ тотъ утвердительно. Моего-то что не сѣдлаете? крикнулъ онъ какому-то конюху. Тотъ побѣжалъ за сѣдломъ. Снова началось набрасыванье сѣдла.

Чубарый опять не давался, наконецъ кто-то сказалъ: „на немъ проѣхать надо, такъ не осѣдлаешь“.

— Садись на него, Петрушка, повелительно крикнулъ Морозовъ мальчишкѣ, который привелъ Чубараго.

Петрушка былъ парень лѣтъ семнадцати или восемнадцати, съ свѣтлыми, какъ будто вылинявшими, волосами, всклокоченными и обитыми, какъ войлокъ, съ красивыми голубыми глазами и круглымъ лицомъ, сплошь покрытымъ веснушками. Загорѣлъ онъ такъ, что цвѣтъ лица подходилъ совсѣмъ къ мѣдному пятаку.

Петрушка, недолго думая, вцѣпился въ гриву и взлетѣлъ на Чубараго. Конюха пустили поводъ. Чубарый взлягнувъ задомъ, быстро затѣмъ поднялся на дыбы: разъ, два, три, моментально продѣлалъ онъ эту штуку, и Петрушка, какъ ни сидѣлъ на лошади, далеко, мячикомъ, отлетѣлъ вправо, съ трескомъ ударившись объ землю. Чубараго успѣли схватить.

— Вотъ такъ-такъ, слышался чей-то голосъ.

— Ловко! прибавилъ другой.

— За землю, Петрушка, держись крѣпче, крикнулъ кто-то изъ конюшни.

— Не ушибся-ли? спросилъ я.

— Чего? отвѣтилъ онъ удивленно и даже съ грубымъ оттенкомъ, какъ будто обидѣвшись;— чай тутъ мягко, гдѣ ушибиться-то? и снова направился къ Чубарому.

— Ну, садись что-ли, сказалъ Морозовъ. Тотъ вскочилъ опять на Чубараго, но черезъ минуту снова былъ на землѣ.

— Ушибется, не сажай, сказалъ я наконецъ Морозову.

— Тоже ѣздокъ, паршивый чортъ, право!..

— Пошлите сюда Арсюху большого, стремянного,—крикнулъ Морозовъ.

Явился Арсентій въ одной рубашкѣ, въ зеленомъ форменномъ картузѣ и съ большимъ арапникомъ въ рукахъ.

— Садись на Чубараго, сказалъ Морозовъ, проѣзжай его хорошенько. Сѣдаться не даетъ.—Арсентій для чего-то наплеваль себя въ обѣ руки, потеръ ихъ, схватился за гриву и вскочилъ на лошадь.

— Пусти, крикнулъ онъ, но конюха держали Чубараго.—Пусти, говорятъ,—крикнулъ онъ еще громче. Тѣ разступились. Чубарый снова продѣлалъ нѣсколько разъ тѣ-же сальто-мортале, но Арсентій, только покачнувшись немного вправо, усидѣлъ на лошади. Чубарый двинулся было впередъ, но вдругъ взвился на дыбы, поскользнулся и тяжело грохнулся на землю. Продѣлавъ какой-то

акробатическій прыжокъ, которому позавидоваль-бы любой акробатъ на аренѣ цирка, Арсенька, не знаю какъ, очутился на ногахъ рядомъ съ Чубарымъ и, не давая ему времени вскочить, снова залѣзъ ему на спину. Чубарый быстро вскочилъ и взягнулъ задомъ. Моментъ былъ рѣшительный—Арсентій усадѣлъ.

— Нѣтъ, врешь! крикнулъ онъ и, поднявъ высоко арапникъ, жестоко вытянулъ вдоль спины Чубараго. Съ того момента — только пыль видѣли мы, поднявшуюся по аллеѣ парка, и нѣсколько разъ сильные удары арапника по обѣимъ бокамъ лошади. Чубарый и Арсентій скрылись изъ глазъ.

— Ну народъ, молодецъ, сказалъ я невольно старику Кругликову.

— Собака ѣздитъ, отвѣтилъ онъ, вздохнувъ.

Въ это время послышался позывный рогъ доѣзжачаго, и съ боковой аллеи выѣхалъ Иванъ на своемъ бѣломъ иноходцѣ. У самыхъ заднихъ ногъ лошади шла стая гончихъ, а за стайей—два мальчишки на бѣлыхъ киргизахъ. Доѣзжачій и выжлятники одѣты были въ желтые суконные казакины, красныя фуражки, рога черезъ плечо, кинжалы за кушакомъ и длинные арапники въ рукахъ. У доѣзжачаго въ кабуръ черезъ плечо былъ револьверъ.

— Стой, стоять, крикнулъ Иванъ, повернувъ иноходца. „Въ кучу“, послышался голосъ выжлятниковъ, и стая легла посерединѣ двора.

Въ это время въ аллеѣ показался Арсентій на Чубаромъ. Чубарый шелъ смирно шагомъ.

— Ну что, какъ? спросилъ я его.

— Успокоился, отвѣтилъ онъ.

Я вошелъ въ домъ, одѣлся и когда снова вышелъ во дворъ, то увидалъ старика Кругликова сидѣвшимъ на своемъ саврасомъ конѣ.

— Гдѣ-же борзятники? спросилъ я.

— За собаками на псарный пошли,—отвѣтилъ Кругликовъ.

Мнѣ подвели гнѣдого донца. Я пристроилъ стремяна и сѣлъ на лошадь.

У задняго подѣзда стоялъ тарантасъ, запряженный парой небольшихъ, разгонныхъ лошадей, а на козлахъ сидѣлъ мальчишка лѣтъ двѣнадцати или тринадцати.

— Однако много у васъ мальчишекъ, сказалъ я Кругликову.

— Много, отвѣтилъ онъ, съизмальства къ охотѣ приучаемъ.

Поваръ, въ зеленомъ пиджакѣ и съ ружьемъ черезъ плечо, укладывалъ корзину въ тарантасъ. Василій Егоровъ стоялъ у

тарантаса. Начали съѣзжаться борзятники. Всѣ они были одѣты такъ-же какъ Кругликовъ, въ сѣрые съ зеленой отдѣлкой казакины, въ темнозеленныя фуражки, рога черезъ плечо, кинжалъ за кушакомъ и арапникъ на лукѣ. У каждого арапника на рукояткѣ была свинцовая гиря, а на ремнѣ кушака каждого борзятника по нѣскольку струнъ *).

Старшій кучеръ Морозовъ сидѣлъ на лихомъ гнѣдомъ башкирѣ; лошадь была дика, настоящій звѣрь.

Подъ Николаемъ Кругликовымъ былъ довольно крупный, чалый, красивый киргизъ.

Мѣшковатый конюхъ, котораго я видѣлъ въ конюшнѣ и котораго звали Леонтьемъ, взмогся на какую-то неопредѣленнаго типа вороную лошадь.

Петрушка, котораго сшибъ Чубарый, переважно сидѣлъ на немъ. Чубарый дѣйствительно утомился и смирно стоялъ подъ Петрушкой.

На красавцѣ темно-буланомъ конѣ ловко сидѣлъ стремянной Арсентій; на его сворѣ были разношерстныя три собаки и между прочимъ густопсовый Лихой, которымъ я любовался на псарномъ.

— Отчего стремянной не съ барской сворой красныхъ? спросилъ я Кругликова.

— Безъ себя брать свору баринъ не дозволяютъ.

Долго происходили сборы. Кто-то забылъ трубку и побѣждалъ ее доставать, кто-то захватилъ ключи, которые нужно было оставить дома. Кучеръ Морозовъ отдавалъ конюхамъ разныя приказанія. Въ тарантасъ усѣлись Василій Егоровъ и поваръ. Въ это время изъ избы вышелъ какой-то высокій старикъ, гладко выбритый, съ длиннымъ носомъ. При его появленіи всѣ улыбнулись.

— Агей Михайловичъ! рылять пора! лисицы спина чистить, крикнулъ Николай Кругликовъ.

— Эвона, нашъ будетъ чистить, — отвѣтилъ тотъ утвердительно, показывая на ружье.

На старикѣ этомъ было необыкновенно широкихъ размѣровъ сѣрое пальто, подпоясанное голубой подпругой изъ-подъ трюичной сѣделки, на головѣ фуражка съ краснымъ околышемъ, въ рукахъ ружье и трубка во рту. Черезъ плечо висѣлъ ягдташъ,

*) Струной назыв. деревянная небольшая палочка съ бичевкой на концѣ. Борзятникъ, принимая изъ-подъ борзыхъ волка и желая взять его живымъ, даетъ волку въ ротъ палку и изъ бичевки дѣлаетъ уздечку — это называется сострунить волка.

изъ сѣтки котораго торчала краюха хлѣба, кусокъ пакли, вязанный шарфъ и много другого добра. На ногахъ были необыкновенно большіе сапоги, которыми онъ шмыгалъ какъ лыжами, не поднимая ногъ. Тихо, очень тихо подвигая одну ногу за другой, шелъ онъ вдоль двора по направленію къ тарантасу и, никому не поклонившись, началъ съ большимъ усиліемъ взбираться на козла тарантаса.

— Садитесь, садитесь, Агей Михайловичъ, говорилъ мальчишка, сидѣвшій кучеромъ въ тарантасѣ.

— Это что за чучело?—спросилъ я старика Кругликова.

— Барскій егеръ-чухонецъ, отвѣтилъ тотъ.

— До рѣчки вмѣстѣ по дорогѣ пойдемъ,—сказалъ Василій Егоровъ,—а перейдемъ рѣчку, вы, борзятники, до острова-то заравняйтесь полемъ.—Ходи, Иванъ, съ Богомъ! крикнулъ онъ доѣзжаему. Тотъ круто повернулъ своего иноходца, подаль позывный рогъ и крупной ходой пошелъ по аллеѣ.

— Къ заду, къ заду, крикнули выжлятники и тронулись за стаей.

Поѣздъ двинулся. Всѣ попадавшіеся мужики издалека еще снимали шапки и сворачивали съ дороги. Старикъ Кругликовъ и Василій Егоровъ важно раскланивались съ мужиками.

Пока мы дорогой идемъ съ рѣчки, я познакомлю васъ, читатель, съ егеремъ Агеемъ Михайловичемъ, который оказался человѣкомъ интереснымъ, типичнымъ.

Вотъ что я узналъ изъ разсказовъ старика Кругликова, другихъ охотниковъ и личнаго моего знакомства съ Агеемъ.

Агей Михайловичъ Пуссо былъ кровный чухна, уроженецъ Выборгской губерніи. Съ малыхъ лѣтъ онъ совсѣмъ отбился отъ всякой работы и только „ловилъ рыбка и рылялъ птичка“ (стрѣлялъ дичь). Податей онъ никогда не платилъ, считая взиманіе таковыхъ верхомъ несправедливости, за что каждый годъ нѣсколько мѣсяцевъ проводилъ въ тюрьмѣ—„на тюрьма“, какъ онъ выражался, и въ два года разъ, по дѣйствующимъ въ Великомъ Княжествѣ законамъ, былъ довольно сильно наказываемъ розгами. Къ такой поркѣ онъ относился съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ: „маленько чистить“, называлъ онъ эту экзекуцію, прибавляя къ этому наименованію той части тѣла, по которой издревле установился обычай наказывать розгами. Тюремнымъ заключеніемъ онъ также не стѣснялся, напротивъ весьма сочувственно относился къ нему и даже не безъ удовольствія вспоминалъ проведенное тамъ время, говоря: „ну какъ онъ на тюрьма

положилъ, тамъ очень хорошо, только ста и пятнадцать пеней онъ жалованья даетъ“. По-русски говорилъ Агей скверно, въ большинствѣ случаевъ сокращая первую согласную, вмѣсто „снѣгъ“ напроим. говорилъ „нѣгъ“, вмѣсто „стрѣлять“, „рылять“, слово „прямо“, произносилъ „рямо“—и т. д. Всѣ предметы называлъ „рументами“. Когда у него выходилъ порохъ и дробь, онъ приходилъ къ камердинеру Ершову, говоря: „ну, Ерши, румента у насъ нѣтъ“. Если изнашивалось пальто или шуба, онъ говорилъ: „румента ломалось“. До бабъ былъ большой охотникъ и тоже называлъ ихъ „румента“. „Это хороша румента“, говорилъ онъ, сладострастно улыбаясь при встрѣчѣ красивой бабы. Особенное влеченіе чувствовалъ къ толстымъ бабамъ: „ну эта румента хорошо кормили“, говорилъ онъ, обыкновенно покачивая головой, и хитрые глаза его какъ-то особенно лоснились. Говоря про себя лично, никогда не употреблялъ слово „я“, а „нашъ“: „ну нашъ пошелъ“, говорилъ онъ, собираясь куда-нибудь. Стрѣлокъ, медвѣжатникъ и обкладчикъ былъ отличный. Необыкновенное хладнокровіе и часто даже остроумная находчивость въ самыя опасныя минуты медвѣжьей охоты были просто изумительны. Лѣтъ восемь, или десять тому назадъ, Т—въ купилъ имѣніе въ Финляндіи и въ одинъ изъ пріѣздовъ его туда зимой, явился Агей Михайловичъ и предложилъ обложеннаго медвѣдя. Никогда до тѣхъ поръ Т... не охотился на медвѣдя.

Охоты двѣ, три особенно удачныя пристрастили его. Они ѣздили съ Агеемъ и въ Лужскій уѣздъ, и въ Новгородскую губ., и, убивъ нѣсколько медвѣдей, Т.... сдѣлался ярмъ охотникомъ на медвѣдей. Т.... полюбилъ старика и всегда говорилъ, что если-бы этотъ человѣкъ съ его умомъ родился въ другомъ мѣстѣ и получилъ-бы образованіе, изъ него вышелъ-бы по крайней мѣрѣ хорошій министръ. Вскорѣ Агей собрался жениться на какой-то чухонкѣ, которая наружностью напоминала извѣстную Юлію Пастрана, и пропалъ недѣли на двѣ. Когда онъ явился и его спросили, что дѣлаетъ жена, онъ прехладнокровно отвѣтилъ: „ну корова продали, бараны продали, свинья сами кушали и тамъ теперь другой мужикъ живуль“. Вскорѣ Агея снова „положили на тюрьма“ за неплатежъ податей и еще за какое-то преступленіе, предусмотрѣнное дѣйствующими въ Финляндіи законами. Много хлопотъ стоило Т.... выручить его изъ тюрьмы и только благодаря какой-то протекціи въ Петербургѣ у Министра Финляндіи, Агея, по уплатѣ Т-вымъ за него податей, выпустили изъ заключенія, но отъ порки из-

бавить его было невозможно—и, вслѣдствіе совокупности преступленій, порка предстояла очень серьезная. Въ это время, скрываясь отъ властей, Агей ловилъ рыбу, упалъ съ крутого берега озера и „ломалъ себѣ спина“, какъ онъ выражался. Строгіе блюстители Финляндскихъ законовъ, не взирая на болѣзнь, собирались уже отодрать его на-славу, дабы другимъ не повадно было; мѣстный начальникъ лендсманъ, ненавидѣвшій Агея за причиненіе частыхъ хлопотъ и безпокойствъ, уже потиралъ руки отъ удовольствія списать спину Агея, но Т-въ сжалился надъ старикомъ и тихонько ночью на какомъ-то возу отправилъ его къ себѣ въ Петербургъ. Время то было смутное въ Петербургѣ, и полиція строго слѣдила за тѣмъ, чтобы никто не проживалъ безъ паспорта, но лендсманъ, несмотря на рекомендательное письмо за подписью бывшаго Управляющаго Государств. банкомъ Е. И. Ламанскаго, не соглашался выдать паспорта до производства экзекуціи. Тогда Агей объяснилъ, что поцѣ можетъ выдать свидѣтельство, если ему послать рублей 5, или 10. Т-въ написалъ письмо пастору, приложивъ 25 рублей. Тотъ немедленно выслалъ свидѣтельство, написанное по-чухонски на очень красивомъ бланкѣ, по краямъ котораго изображены были два херувима, трубящіе въ большія, мѣдныя трубы. Свидѣтельство это пронесли въ полицейскомъ участкѣ Петербурга, приложили марку и штампъ...

Одинъ грамотный чухонецъ, проѣзжавшій съ молокомъ къ людямъ Т-ва, перевелъ это свидѣтельство, причемъ оказалось, что почтенный служитель алтаря, заполучивъ 25 руб., написалъ на бланкѣ, что предъявитель сего, Агей Михайловъ Пуссо, неоднократно судился и сидѣлъ въ тюрьмѣ за неплатежъ податей, жестокое обращеніе съ женой, воровство и др. преступления, а въ концѣ добавилъ: „вообще поведенія самаго предосудительнаго“ и даже счелъ нелишнимъ два раза подчеркнуть слово предосудительнаго. Боясь держать Агея съ такой хорошей аттестаціей, Т-въ отправилъ его въ свое В—е имѣніе, гдѣ онъ уже шесть лѣтъ проживалъ, занимая должность егера.

Свои служебныя обязанности началъ онъ съ того, что перевелъ верстъ на пятьдесятъ кругомъ всѣхъ тетеревей и куропатокъ, уничтожая матокъ самымъ варварскимъ образомъ. Верстъ на сто отъ деревни его знали всѣ, и, стоило ему показаться, всѣ ребятишки кричали: „здравствуйте, Агей Михайловичъ“. На охотѣ съ гончими, онъ обыкновенно ложился подъ кустъ, закуривъ трубку, и оставался въ такомъ положеніи до отзывнаго рога

доѣзжачаго. Ружья никогда не чистилъ и заряжалъ его чѣмъ попало. Порохъ, вмѣстѣ съ дробью, сыпалъ иногда просто въ карманъ. Часто въ стволы попадали табакъ, спички и т. п., и ружье разъ десять подъ-рядъ осѣкалось. Осѣчка ружья никогда не приводила его въ смущеніе, и онъ, не обращая на это никакого вниманія, — прехладнокровно надѣвалъ другой пистонъ. Когда его спрашивали, отчего онъ не стрѣлялъ въ волка, или лису, онъ совершенно спокойно отвѣчалъ: „вистона не пошелъ прочь“. Въ лѣсу онъ былъ какъ дома и въ какой-бы дремучій лѣсъ его ни завели, онъ всегда находилъ дорогу какимъ-то особымъ чутьемъ. Обладалъ онъ особымъ искусствомъ разводить огонь, и, какъ-бы сыро ни было и какой-бы дождикъ ни лилъ, — у него черезъ пять минутъ уже пылалъ костеръ. Дома онъ все время лежалъ на печи, слѣзая только для того, чтобы поѣсть, или выпить чаю.

Вотъ вамъ слабый очеркъ егеря — Агея Михайловича Пуссо.

Когда переѣхали въ бродъ рѣчку, доѣзжачій остановилъ лошадь и сталъ закуривать трубку. Вся охота сошлась, тарантасъ подѣхалъ и подошли отставшіе борзятники.

Чухонецъ сталъ медленно слѣзать съ козелъ.

— Ты куда? спросилъ его Василій Егоровъ.

— Ну нашъ такъ пошелъ прямо, — отвѣтилъ онъ, указывая всей ладонью по направленію къ виднѣвшемуся далеко на горизонтѣ лѣсу, надѣлъ на плечо цогонъ ружья и пошелъ тихо, тихо оврагомъ.

— Онъ къ вечеру не придетъ, замѣтилъ я.

— Прежде насъ будетъ, — отвѣтилъ Василій Егоровъ. — Гончбы, ходи прямо къ острову, — скомандовалъ онъ.

Иванъ тотчасъ-же повернулъ лошадь и ходой, со стаей и двумя выжатниками сзади, пошелъ направо оврагомъ.

— Борзятники, обратился къ намъ Василій Егоровъ, заравняйте полѣвъе оржанищемъ-то. Можетъ и на лисичку найдете. Мышкуютъ ужъ теперь.

Тарантасъ поѣхалъ дорогой, а мы, межникомъ озимей, выѣхали на большое сжатое оржаное поле.

— Я съ вами поѣду!, сказалъ я старику Кругликову.

— Милости просимъ, отвѣтилъ онъ. Только-бы поднять его шельму, — потѣшимся.

У Кругликова на сворѣ былъ Побѣдимъ и Варваръ. Сѣренькая сучка Стрѣлка на рыску. Подѣхалъ къ намъ сынъ Кругликова, Николай.

— Варвара, тятенька, не взять-ли на сѣдло?—спросилъ онъ совершенно серьезно, такъ что я сразу не разобралъ даже шутки и съ удивленіемъ на него посмотрѣлъ.

— Ты за своими-то лучше присмотри. Ласы-то точить вы молодцы, отвѣтилъ тотъ и повернулъ вправо.

Я снова полюбовался бѣлой сукой Милкой, которая шла въ сворѣ Николая.

Борзятники разѣхались по полю. Въ виду у насъ были: на-право кучеръ Морозовъ, налѣво сынъ Кругликова, Николай; остальные борзятники, перебравшись черезъ крутой оврагъ, скрылись изъ виду.

— А что, Александръ Васильевичъ, наѣздки хорошія здѣсь?

— Какъ случится, отвѣтилъ онъ, закуривая трубку. Вытоптали много, баринъ больно на хлопки-то ѣздить любить.

Мы ѣхали молча. — „Тамъ травятъ!“ — вдругъ сказалъ шопотомъ старикъ, указывая налѣво за оврагъ, и, толкнувъ лошадь, рысью сталъ подвигаться впередъ ближе къ оврагу; я поѣхалъ за нимъ. Не успѣли мы поравняться съ оврагомъ, какъ вдалекѣ увидѣли катившую къ списку большую красную лису-огневу съ пушистымъ хвостомъ, который такъ и разстилался по полю. За ней неслись пять борзыхъ. Вотъ выѣхала одна, ближе, ближе... угонка, но лиса быстрымъ скачкомъ обманула борзыхъ и, забравъ круто влѣво, съ страшной кручи спустилась въ оврагъ. Кругликовъ сталъ заскакивать впередъ. На противоположной сторонѣ оврага два всадника, стоя на стременахъ и припавъ къ лукъ, махая арапниками, карьеромъ мчались къ оврагу и неистово орали. Я, любуясь этой картиной, рысью подвигался къ оврагу, но не успѣлъ подѣхвать, какъ увидѣлъ уже одного всадника на темно-буланомъ конѣ, который вдали поднимался снова на противоположную сторону оврага. „Это стремянный Арсентій“, подумалъ я. Въ оврагѣ кто-то, полнымъ отчаянія голосомъ, кричалъ: „уйдетъ, уйдетъ шельма“, прибавляя еще разныя русскія, непечатныя, слова. Подѣхавъ къ оврагу, я увидѣлъ слѣдующую картину: мѣшковатый борзятникъ Леонтій лежалъ въ узкой промоинѣ, въ самомъ низу оврага, а на немъ бокомъ его вороная лошадь, ногами запутавшись въ чумбуръ и поводья. Я толкнулъ своего донца и, выбравъ мѣсто поотложе, спустился въ оврагъ... „Уйдетъ, уйдетъ!“ — кричалъ, барахтаясь подъ лошадью, Леонтій. „Фу ты, Боже мой, говорилъ уйдетъ!“ — обратился онъ ко мнѣ. Много усилія стоило мнѣ распутать ноги лошади.

— Арапникомъ ее, вскочить!, говорилъ Леонтій охрипшимъ голосомъ.

— Нельзя, нужно осторожно, а то вскочить, тебя задавить.

— Не задавить, отвѣтилъ онъ.

Наконецъ лошадь повернулась. Леонтій, весь испачканный, вылезъ изъ-подъ нея.

— Что ушибся? спросилъ я.

— Ничего, ногу маленько помялъ. Фу ты, Боже мой, а вѣдь лиса-то должно ушла, прибавилъ онъ грустнымъ голосомъ, покачивая головой.

Обѣ подруги были оборваны. Леонтій наскоро отстегнулъ ихъ и сунулъ въ карманъ. „Фу ты, Боже мой“, произнесъ онъ.

— Какъ-же ты безъ подпругъ-то поѣдешь?

— Ничего, на ремнѣ доѣду, и, подтянувъ ремень подушки, онъ влезъ на лошадь, ни слова мнѣ не сказалъ и съ мѣста карьеромъ помчался вдоль оврага.

Выѣхавъ изъ промоины, я увидѣлъ старика Кругликова, который шагомъ подвигался ко мнѣ. Я сталъ ему рассказывать, какъ Леонтій слетѣлъ въ оврагъ, но онъ видимо не обратилъ на это никакого вниманія и даже перебивъ меня въ серединѣ разсказа, сказалъ:

— А вѣдь пожалуй ушла, шельма-то. Арсюхины собаки ужъ утѣшились, развѣ Петрушка встрѣтилъ. Потомъ, подумавъ немного, произнесъ со злобой:—вѣдь не пошла сюда бестія, хитра тоже шкура. На ту сторону опять понесла ее нелегкая. Эхъ кабы сюда, показалъ-бы я ей, и вдругъ, выпрямившись, сдернувъ съ себя шапку и взявъ ее подъ мышку, отдалъ свору.

— Ну-ка его! закричалъ онъ, ну-ка его Побѣдимушка. Такъ его, такъ его!, оралъ онъ, посылая арапникомъ лошадь.

Какъ изъ земли выросъ матерый русакъ и покатиъ по чистому полю.

Я скакалъ за старикомъ.

— Н-ѣ-т-ъ, не уйдешь, врешь, врешь—не уйдешь!, кричалъ онъ. Такъ его, врешь.—Стрѣлка! такъ его, такъ его, матушка! Выручай, Побѣдимушка, выручай!, неистово вопилъ старикъ.

Варваръ ковылялъ сзади, „удилъ“, по техническому выраженію охотниковъ.

Наконецъ Стрѣлка выѣхала — разъ, два, угонка, Побѣдимъ промахнулся и русакъ началъ отдѣлять собакъ, направляясь къ ближайшему, небольшому лѣсу.

— Врешь, не уйдешь!, кричалъ Кругликовъ въ то время,

когда заяцъ былъ уже почти въ опушкѣ. Стрѣлка скрылась за русакомъ въ лѣсъ. Побѣдимъ и Варваръ остались въ полѣ.

— Ухъ, ухъ!, крикнулъ въ послѣдній разъ Кругликовъ, оставивъ лошадь и, вздохнувъ глубоко, тихо промолвилъ:

— Ушелъ. Стрѣлка, на, Стрѣлка, на!, началъ онъ подзывать собакъ.

Взявъ на свору кобелей и не дождавшись Стрѣлки, мы тронулись дальше.

— Коля травить, сказалъ Кругликовъ и толкнулъ лошадь, но въ это время Николай уже отбивалъ зайца.

Я взглянулъ направо. Далеко на горизонтѣ виднѣлись три всадника въ красныхъ фуражкахъ на бѣлыхъ лошадяхъ и стая гончихъ растянута въ срединѣ. Торопливой ходой двигались они. „Да, подумалъ я, картина достойная кисти Сверчкова, Соколова и другихъ художниковъ“.

— Протравили мы съ вами русака, сказалъ я, обращаясь къ Александру Васильевичу.

— Да вы поймите, отвѣтилъ онъ, злобно на меня посмотрѣвъ,—нешто близко вскочилъ, опять мѣсто тоже не дозволило, вишь онъ лѣсъ-то вплоть, прибавилъ онъ, указывая по направленію острова, гдѣ скрылся русакъ.

„Ну, подумалъ я, русакъ вскочилъ изъ-подъ ногъ, пошелъ чистымъ полемъ“. Но, не желая сердить моего старика, промолвилъ вслухъ:

— Конечно.

Въ это время къ намъ подбѣжалъ Николай Кругликовъ; въ торокахъ у него болтался русакъ.

— Прибылой, презрительно сказалъ мнѣ старикъ, указывая на русака.

— Вотъ у насъ какъ,—не уйдетъ, небось, кричалъ Николай, а вы, тятенька, мазать.

— Котятъ-то вы травить мастера. Нѣтъ ты-бы вотъ такого-то князька попробовалъ.

— У насъ ни одинъ не уйдетъ.

— На словахъ-то вы всѣ ловки.

— А здѣрово, тятенька, прогладили.

— Ты что присталъ? спросилъ сердито старикъ.— Поѣзжай своей дорогой, откуда пріѣхалъ, прибавилъ онъ.

Черезъ нѣкоторое время изъ-подъ Морозова вскочила лиса и пошла полемъ мимо насъ. Взявъ и отца, и сына и по-неслись. Я поскакалъ за ними.

Какъ только увидала лиса скакавшихъ наперекоски собакъ, быстро повернула къ оврагу и спустилась внизъ. Собаки заложились, мы подскакали къ оврагу.

Какъ и гдѣ мы спустились въ оврагъ, я совсѣмъ не помню, но Морозовъ, Николай и я выбрались на другую сторону. Старикъ не перебрался и остался за оврагомъ. Когда мы поднялись и очутились въ полѣ, передъ нами была слѣдующая картина: Лиса неслась чистымъ полемъ, очевидно напрягая всѣ силы для спасенія своей шкуры. На ней висѣло собакъ пять или шесть. Наконецъ сѣропѣгая сука Николая—Милка выѣхала изъ всѣхъ, за ней половопѣгій кобель Морозова. Сука дала угонку, и лиса сразу очутилась въ зубахъ половопѣгаго.

— Арра, арра!, заорали Морозовъ съ Николаемъ, и вскочивъ съ лошадей, отбили лису. Лиса оказалась прибылая. Морозовъ второчилъ ее своему гнѣдому и поѣхали мы шагомъ назадъ—искать мѣста, гдѣ можно было-бы перебраться черезъ оврагъ.

Подѣзжая къ оврагу, мы увидѣли на другой сторонѣ старика Кругликова; онъ на лошади стоялъ на мѣстѣ у обрыва оврага, безъ шапки и зычнымъ голосомъ кричалъ:

— Такъ ее, такъ ее, шельму, Побѣдимушка,—выручай.

— Крикни ему, сказалъ Морозовъ, обращаясь къ Николаю, что онъ зѣваетъ, давно ужъ затравили.

— Оставь его, отвѣтилъ серьезно Николай, закуривая трубку. Пуцай тятенька потѣшится.

Когда мы выѣхали изъ оврага, старикъ кричалъ:

— Кто взял? Стрѣлка, али Побѣдимъ?

— Чародѣй, отвѣтилъ Морозовъ.

— У васъ все Чародѣй, произнесъ недовольнымъ голосомъ старикъ и сталъ брать на свору собакъ.

Мы подѣхали къ острову. Тарантасъ уже стоялъ, отложенный въ опушкѣ. Лошади паслись возлѣ лѣса. Къ моему крайнему удивленію, Чухна лежалъ около тарантаса на брюхѣ и курилъ трубку. Какъ онъ успѣлъ отмахать такъ скоро, представить себѣ было трудно... Стая гончихъ лежала поодаль въ кучкѣ, Иванъ сидѣлъ около стаи, выжлятники лежали по бокамъ. Василій Егоровъ стоялъ у тарантаса.

— Гдѣ-же другіе борзятники? спросилъ онъ.

— За оврагомъ, сейчасъ придутъ, отвѣтилъ Морозовъ.

— Иванъ, дай голосъ, крикнулъ Василій Егоровъ.

Иванъ далъ позывной рогъ. Вдалекѣ отвѣтили нѣсколько роговъ.

— Прибылая лиса-то, сказалъ Василій Егоровъ, подходя къ Морозову, который выторачивалъ лису.

Чухна медленно поднялся, подошелъ къ лисѣ, пощупалъ ее и сказавъ одно слово: «маменька», опять тутъ-же легъ вверхъ спиной.

— Не можетъ быть, сказалъ Василій Егоровъ, — кобель, а и то сука, прибавилъ онъ, взявъ лису у Морозова и положивъ ее въ передокъ тарантаса.

Черезъ нѣсколько минутъ начали подъѣзжать борзятники. Леонтій ѣхалъ уныло пустой. У Петрушки въ торокахъ на Чубаромъ болтались два русака. У стремяного Архонта матерая, съ необыкновенно пушистымъ хвостомъ, лиса-огневка.

Чухна снова приподнялся, лѣниво подошелъ къ лошади стремяного и, ощупавъ лису, произнесъ: — „папенька“, и снова легъ на брюхо.

— Лиса важная, матерая, сказалъ Василій Егоровъ, потряхивая въ воздухѣ лисой.

— Это та лиса, которую вы съ Леонтьемъ травили? обратился я съ вопросомъ къ стремянному.

— Такъ точно-съ, она самая-съ, отвѣтилъ онъ. — Ужъ и поводила, шельма. Четыре угонки выдержала! Не отвертѣлась таки. Варька смыла, прибавилъ онъ, указывая на статную муругую суку. — А Леонтій въ оврагѣ здорово приложился, продолжалъ онъ, ужъ и посмѣялся-же! Къ самой-то кручѣ подскакалъ, да и кубаремъ съ лошадыю. Нѣтъ вѣдь толку-то, — взять-бы поправѣ... я важно спустился.

— Фу ты, Боже мой, отвѣтилъ тотъ съ досадою, — нешто тутъ видишь, гдѣ круто, гдѣ нѣтъ.

— Вѣтеръ сильный поднимается, сказалъ я Василию Егорову. Плохо будетъ въ острову.

— Неважно, хорошаго нѣтъ, отвѣтилъ онъ глубокомысленно и посмотрѣлъ на небо. — Бросать прикажете-съ? обратился онъ ко мнѣ.

— Какъ хотите, отвѣтилъ я.

— Ходи, Иванъ, крикнулъ Василій Егоровъ повелительнымъ тономъ.

Тотъ поднялся. Живо вскочили выжлятники, и одинъ изъ нихъ подвелъ доѣзжаему иноходца. Другой снаряжалъ двухъ лошадей выжлятниковъ.

Сѣвъ на лошадь, Иванъ спросилъ Василья Егорова:

— Откуда бросать?

— Бросай отъ Забережья. Въ мелочахъ долго не ходи. Въ приболотинѣ придержишься, выходи хорошенько. По красному по-
давай дольше—вѣтрено, не слышать.

— Ладно, отвѣтили тотъ и тронулся со стаей и выжлятниками
вдоль опушки лѣса.

— Вы гдѣ изволите стать? спросилъ меня Василій Егоровъ.

— Я не знаю, гдѣ Александръ Васильевичъ станетъ, тутъ и я.

— Мы къ угору, сказалъ старикъ.

Распредѣливъ мѣста другимъ борзятникамъ, Василій Егоровъ
съ поваромъ и чухной, взявъ ружья, скрылись въ лѣсу.

Кругликовъ пристегнулъ и Стрѣлку на свору. Мы, объѣхавъ
край лѣса, выѣхали на поляну и стали за кустомъ около дубовъ
угора, который далеко тянулся по горѣ. Вѣтеръ все крѣпчалъ.
Черезъ нѣсколько минутъ послышался рогъ.

— Это что? спросилъ я.

— Василій Егоровъ Ивану бросать велитъ,—отвѣтилъ ста-
рикъ шепотомъ.

Черезъ секунду слышенъ былъ отвѣтный рогъ доѣзжачаго
и по вѣтру ясно раздалось громкое порсканье Ивана.

— Ого, го, го... Тутъ лежалъ, тутъ лежалъ! буди его, буди,
собаченьки! ну-ка его, ну-ка его! лежалъ, лежалъ, хо, хо, хо,
хо, хо..., кричалъ Иванъ.

Двѣ гончія отозвались въ разныхъ концахъ острова и на-
чалъ Иванъ громко подваливать: „къ нему, къ нему, къ нему“,
слышалось въ острову.

Стая разбилась на двѣ. Выжлятники сильно орали, сбивая
одну половину стаи, но видимо это не удалось, и двѣ стаи гнали
по разнымъ направленіямъ.

— Стой, стой! послышался на противоположной сторонѣ ост-
рова голосъ доѣзжачаго. Кто-то началъ травить и все умолкло.
Долго мы ничего не слышали.

— Должно быть въ болотѣ ходить. За вѣтромъ не слышать,—
шепнулъ мнѣ Кругликовъ. Мнѣ уже начинало надоѣдать стоять
на одномъ мѣстѣ.

— Не подвинуться-ли намъ? сказалъ я старику. Тотъ слѣзъ
съ лошади, приложилъ ухо къ землѣ и, вставая, произнесъ: —
Нѣтъ, нужно постоять,—Иванъ въ болотѣ ходить. Можетъ лиса
попросится. Тутъ ей лазъ настоящій, въ угоръ-то.

Изрѣдка слышался слабый гонъ. Видно было, что доѣз-
жачій отслушивалъ отъ вѣтра гонцевъ и гончія отслушивали
доѣзжачаго.

— Однако стая-то разбилась, должно быть, замѣтилъ я.

— Зря гонять—отвѣтилъ съ неудовольствіемъ старикъ.

Въ это время три или четыре голоса подвигались по направлению къ намъ къ опушкѣ лѣса. Выскочилъ бѣлякъ и, посидѣвъ секунду на заднихъ лапахъ, покатилъ прямо намъ въ штыкъ.

— Уть, уть, уть,—шепотомъ указывалъ Кругликовъ собакамъ и, убѣдившись, что собаки помѣтили, крикнулъ:—вотъ онъ, ну-ка его,—фуражку подъ мышку и понесся по полянѣ, прибирая извѣстныя ругательства и кромѣ того такія, которыя очевидно были его собственнаго изобрѣтенія.

Выскочилъ маленькій выжлятникъ и сбиль гончихъ въ островъ. Я хотѣлъ было остаться на мѣстѣ, но не тутъ то было: донецъ мой, задравъ голову къ низу, мчался карьеромъ за Кругликовымъ.

Побѣдимъ выѣхалъ и безъ угонки поймалъ зайца.

— Вотъ такъ-такъ!—крикнулъ старикъ.

— Арра-ара, кричалъ онъ и, забывъ свои года, быстро соскочилъ съ лошади и началъ отбивать отъ собакъ зайца, которымъ Побѣдимъ собрался уже пообѣдать.

Отпазончивъ зайца и раздѣливъ пазанки собакамъ, Кругликовъ сталъ его вторачивать.

— Съ полемъ, Александръ Васильевичъ! сказалъ я.

— Благодаримъ покорно-сь,—отвѣтилъ онъ, снимая шапку. Лице его сіяло отъ радости.

— Вотъ у насъ какъ,—небось не уйдетъ, —вретъ,—говорилъ онъ, залѣзая на лошадь.

Въ это время послышался рогъ доѣзжачаго.

— По красному,—сказалъ Кругликовъ, и мы рысью поѣхали на лазъ.

Варомъ варила вся стая въ острову. Изрѣдка слышался рогъ „по лисѣ“. Кругомъ острова по опушкѣ провела стая. Сердце замирало у меня отъ этого дикаго концерта. Но гонъ сталъ меньше и меньше слышенъ и умолкъ наконецъ. На противоположной сторонѣ острова начали травить.

— Туда выкатила, должно быть, шельма, на Морозова, шепнулъ мнѣ Кругликовъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе, ни звука не было слышно, и только порывистый вѣтеръ гудѣлъ, качая верхушки лѣса и производя шелестъ слетавшими листьями. Вдали послышался слабый гонъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Опять по красному, по лисѣ, — сказалъ старикъ. Гнали вдоль опушки и повели вправо. Далеко, очень далеко отъ насъ выскочила на полянку лиса и стала направляться къ угору. Кругликовъ хотѣлъ было заскакать лису, но, разсчитавъ разстояние, остался на мѣстѣ. Вдругъ изъ опушки угора, показались три борзья, а за ними, какъ изъ земли выросшій, Петрушка карьеромъ на своемъ Чубаромъ. Лиса быстро повернула и хотѣла снова шаркнуть въ островъ, но на опушкѣ показалась бѣлая лошадь выжлятника; два, три раза хлопнулъ онъ арапникомъ и лиса направилась вдоль поляны по направленію къ намъ. Кругликовъ далъ свору, — лиса оказалась между двухъ огней. Сзади собакъ Петрушки, въ штыкъ неслась Кругликовская свора. Одинъ моментъ, и все сшиблось въ кучу, ничего нельзя было разобрать: Петрушка кубаремъ слетѣлъ съ лошади, отбилъ лису и хотѣлъ ее торочить.

— Ты что это чужую-то лису торочить вздумалъ, — обратился къ нему подѣхавшій Кругликовъ, — нешто не видалъ, что Побѣдимъ взялъ.

Тотъ выпустилъ изъ рукъ матерую лисицу, отвѣчать видимо не смѣлъ, но на глазахъ его показались слезы. Мнѣ отъ души стало жаль Петрушку. Онъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ то на лису, то на меня, видимо умоляя моею защиты. Я оказался между двухъ огней. Не хотѣлось мнѣ обидѣть почтеннаго старца, а между тѣмъ справедливость говорила мнѣ, что нужно заступиться за Петрушку, тѣмъ болѣе, что юный охотникъ возбуждалъ во мнѣ дѣйствительную жалость.

— Послушайте, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, обратился я къ Кругликову, лиса была въ кучѣ; которая собака взяла — опредѣлить невозможно, а травилъ онъ, мы только встрѣтили; — я думаю, по справедливости и по правиламъ охоты, — звѣрь его.

Онъ ни слова мнѣ не отвѣтилъ и, бросивъ лису Петрушкѣ, сказалъ строгимъ голосомъ: „на, торочи“.

Влажные каріе глаза Петрушки взглянули на меня такъ, что если-бы мнѣ удалось спасти жизнь человѣку, то навѣрно я не возбудилъ-бы въ немъ такого чувства безпредѣльной благодарности.

— Вѣдь я, Александръ Васильевичъ, говорилъ Петрушка, еще слезливымъ голосомъ, вторачивая лису, вонъ еще ее откуда-то заскакивалъ. Вѣдь если-бы вы не пустили, Похвалъ ужъ былъ-бы

въ ней, на щипцѣ ее несъ. Я вѣдь черезъ ручей-то вплавь перебрался,—прибавилъ онъ, указывая на свой кафтанъ.

Тутъ только замѣтилъ я, что и Петрушка, и Чубарый были по уши мокрые. „Поѣзжай на мельницу, посушись“ — сказалъ я.

— Буда на мельницу, зачѣмъ? еще и такъ взопрѣю, отвѣтилъ онъ, сѣлъ на Чубараго и шагомъ поѣхалъ вдоль опушки.

— Вотъ она, настоящая охота. Вотъ гдѣ страсть-то, подумалъ я. Парень подъ 20 лѣтъ, отчаянная голова, а готовъ заплакать изъ-за лисицы, правду говоритъ докторъ Декюре: „страсть приводитъ въ болѣзненное состояніе и тѣло, и духъ“.

— Мальчишку потѣшить надо, — сказалъ добродушно старикъ Кругликовъ, влѣзая на лошадь.

Вышелъ изъ лѣсу Василій Егоровъ и, подойдя къ намъ, сказалъ:

— Я вызывать буду, звѣря ужъ тутъ нѣтъ, зайчишки путаютъ только. Привалъ маленькій сдѣлаемъ, да и въ угорь. Пожалуйте къ тарантасу, прибавилъ онъ.

Около тарантаса, Василій Егоровъ подаль въ рогъ „выходи“. Никто не отвѣтилъ. Онъ подаль второй рогъ. Послышался отвѣтъ доѣзжачаго и вслѣдъ засимъ его отзывной голосъ.

Всѣ борзятники подали отзывъ.

Василій Егоровъ разсказалъ намъ все, что произошло и въ острову, и въ полѣ во время охоты. Онъ съ мельчайшими подробностями зналъ, кто гдѣ затравилъ, гдѣ протравили, кто стрѣлялъ и т. д. Какъ онъ пѣшкомъ поспѣлъ все видѣть,—я себѣ никакъ не могъ объяснить.

— Леонтій, чертъ-то, опять матерую лису проспалъ.

— Это которая на ту сторону вышла? спросилъ я.

— Да, въ уйму ушла. Насилу стаю сбили. Вѣтрено больно — отслушиваютъ. По ней Агей стрѣлялъ, да ружье осѣклось, прибавилъ онъ, махнувъ рукой.

Стали собираться борзятники, подошли ружейники. Поваръ вынулъ коробъ съ закуской. Я выпилъ водки, и принялись мы со старикомъ Кругликовымъ уничтожать все, что было въ коробѣ. Охотники собрались въ кучку и начали обѣдать. Агей живо развелъ огонь и стали заваривать чай. Я любовался на этотъ бивакъ. „Сколько тутъ поэзіи,“ подумалъ я.

Василій Егоровъ все ходилъ за поваромъ, ни на минуту отъ него не отставая.

— Ахъ, Василій Егоровичъ, я и забылъ васъ, сказалъ тотъ, доставая изъ короба бутылку водки и наливая столовый стаканъ.

Василій Егоровъ взялъ стаканъ, закатилъ глаза къ небу и началъ шептать: „благословляю, благословящее Тя, Господи“, но, видимо не имѣя терпѣнія кончить молитвы, остановился на какомъ-то мученикѣ Авраамѣ, и обращаясь ко мнѣ, едва успѣлъ произнести: „съ полемъ, имѣю честь“ и—водки какъ не бывало. Крякнувъ и потянувъ носомъ воздухъ, онъ обратился къ Леонтью:

— Паршивый чортъ, лису-то проспалъ!

— Фу ты, Боже мой, отвѣтилъ тотъ, развѣ вы не видали, гдѣ она вышла-то. Съ версту отъ меня.

— А посунуться не можешь по гончимъ-то? Чай слышалъ, доѣзжачій по гону все время давалъ. То-то вы всѣ рогъ-то доѣзжачаго знать не хотите. Вамъ доѣзжачій на рогу-то хоть сдохни. Спите все, черти.

— Фу ты, Боже мой, какой спите. Вѣтеръ, не слышать, отвѣтилъ тотъ.

— А ты, Петрушка, молодецъ, сказалъ Василій Егоровъ. Вижу ловко по гончимъ трафится. Думаю, черезъ ручей-то не переберется, вязко тутъ больно. Нѣтъ, вижу перемахнулъ, да и принялъ трубу-то. Нѣтъ парень на дѣло пошелъ. А вы, Александръ Васильевичъ, лису-то у Петрушки отбить хотѣли. Эхъ, Александръ Васильевичъ!, —прибавилъ онъ укоризненно. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Василя Егорова, какъ могъ онъ знать все до такихъ мельчайшихъ подробностей.

— Выжлятники, обратился онъ къ мальчишкамъ, которые въ это время уплетали пирогъ, а вамъ другой разъ дамъ баловать, а васъ арапникомъ проберу. Чего вы глядѣли? стаю-то въ уйму проспали.

— Не слышать гону-то и Ивана не слышать, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— То-то не слышать, баловать васъ сюда возять?

— А у васъ, Агей Михайловичъ, ружье-то страховано должно быть, все чикъ да чикъ.

— Вистона пошелъ прочь!..

Василій Егоровъ улыбнулся и покачалъ головой.

Когда всѣ напились чаю, Василій Егоровъ спросилъ меня: — Прикажете бросать?

— Да, пора, отвѣтилъ я.

Василій Егоровъ затрубилъ въ рогъ. Всѣ борзятники вскочили и стали ловить лошадей.

— Сверху бросай, да такъ по угору внизъ и иди, долго не задерживайся на верху-то—крикнулъ Василій Егоровъ Ивану.

Охота въ угорѣ совсѣмъ не удалась. Гончія разбились и гнали въ разныя стороны. Вѣтеръ поднялся сильный и въ двухъ шагахъ въ лѣсу ничего не было слышно. Всего затравили двухъ бѣляковъ и вызвали стаю. Всѣ собрались къ тарантасу. Чухны не было; стало смеркаться.

— Поѣдемте, сказалъ Василій Егоровъ, вотъ это польцо-то, покуда свѣтло, захватите, борзятники, прибавилъ онъ, указывая на видѣвшееся въ верху сжатое яровое поле.

— А Агей? спросилъ я.

— Придетъ—отвѣтилъ старикъ Кругликовъ.

Только что мы поднялись къ верху и не успѣли еще взять собакъ на своры, какъ вылетѣлъ громадный матерый русакъ и понесся полемъ. Всѣ собаки заложились. Прежде всѣхъ выдѣлился густопсовый Лихой,—разъ, и промахнулся. Побѣдимъ тогда оказался впереди; старикъ кричалъ неистовымъ голосомъ, но Побѣдимъ не усилился дать угонку. Три суки выдѣлились и скакали ухомъ въ ухо: Милка Николая, Стрѣлка старика и Гроза Морозова. Поочередно начали выдѣляться онѣ, но, несмотря на двѣ угонки, русакъ стелилъ дальше, наконецъ выдвинулся Петрушкинъ Хортый Похвалъ, угналъ русака, а которая собака поймала въ общей свалкѣ, разглядѣть было нельзя. Картина для охотника была прелестная. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, напоивъ въ рѣчкѣ лошадей, поднимались на гору. Вѣтеръ сталъ еще сильнѣе, и мелкій, частый осенній дождикъ сѣялъ какъ изъ сита. Я ѣхалъ молча, вспоминая всѣ подробности охоты. „Стая гончихъ, думалъ я, вовсе не такъ хороша, какъ объ ней рассказываютъ. Далеко она ниже того, что я отъ нея ждалъ“. На другой день, впрочемъ, я долженъ былъ послѣ охоты сознаться, что я ошибался. Стало совсѣмъ темно. Ѣхавшіе сзади меня борзятники оживленно рассказывали другъ другу, какъ кто травилъ, причемъ хвастались своими собаками. Черезъ нѣсколько минутъ такъ стемнѣло, что я не могъ видѣть даже ушей своей лошади. Доѣзжачій, который со стаяй и выжлятниками были впереди, безпрестанно подавалъ въ рогъ голосъ, чтобы показать направленіе дороги. Я бросилъ донцу поводья и онъ бодро шелъ ходой; видно было, что онъ привыкъ къ такимъ ночамъ.

— Спутаемся, не доѣдемъ, сказалъ я кому-то, ѣхавшему близъ меня.

— Зачѣмъ путать.—Фу ты, Боже мой, какая темъ, отвѣтилъ мнѣ голосъ Леонтыя.

Послышался рогъ Ивана и чей-то голосъ крикнулъ: „стоять“. Всѣ стали.

— Моехъ собакъ захватите—сказалъ старикъ Кругликовъ.

— Куда это они ѣдутъ? спросилъ я.

— На псарный.

Мы вдвоемъ съ Кругликовымъ направились дальше. Вскорѣ мы уперлись въ какой-то лѣсъ, узнать о чемъ можно было только по шелесту листьевъ.

— Что это за лѣсъ?

— Нашъ паркъ,—отвѣтилъ старикъ.

Я обрадовался. Показался огонь въ конюшняхъ, въ избахъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣзжали къ ярко освѣщенному барскому дому. Вышли конюха принять лошадей.

— Баринъ пріѣхалъ?, спросилъ Кругликовъ.

— Недавно пріѣхали, отвѣтилъ чей-то голосъ.

Когда я сбросилъ съ себя охотничье платье и вышелъ въ освѣщенную столовую, то почувствовалъ, что значить послѣ цѣлаго, проведеннаго въ полѣ, дня, попасть въ теплую комнату, выпить водки, закусить и ждать ужина. Въ столовой стоялъ какой-то мужчина, лѣтъ слишкомъ пятидесяти, небольшого роста, весь лысый въ широкомъ свѣтлосинемъ пиджакѣ и голубомъ галстукѣ. Лице его было красно, какъ кумачъ, съ какимъ-то сизымъ оттѣнкомъ; глаза совершенно оловянные. Большіе, черные усы, съ подусниками и просѣдью, спускались внизъ и придавали ему поразительное сходство со старымъ, откормленным котомъ. Видно было, что онъ очень хорошо знаетъ, что такое русская водка, а можетъ быть и англійскій джинъ. Такой рожи я давно не видалъ. Лѣвый глазъ его постоянно подмигивалъ, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: „пойдемъ туда—я тебѣ что расскажу“. Онъ только что собирался проглотить рюмку водки, но при моемъ появленіи поставилъ на столъ рюмку и развязно подошелъ ко мнѣ. Слегка заикаясь и подмигивая лѣвымъ глазомъ, онъ важно произнесъ:

— Имѣю честь рекомендоваться, мѣстный землевладѣлецъ, титулярный совѣтникъ Коммодъ Савельичъ Кусаевъ.

— Очень пріятно. Гвардіи полковникъ Петръ Николаевичъ В-въ, отвѣтилъ я, подавая Кусаеву руку.

— Я не зналъ, прибавилъ я, что есть русское имя Коммодъ.

— Какъ-же-съ. 30 января день моего ангела — не прикажете-ли водки? спросилъ онъ.

— Подождемъ хозяина, отвѣтилъ я.

— Совсѣмъ лишнее,—здѣсь церемоніи не наблюдаются. Я, признаться, отъ того и люблю сюда ѣздить—полная свобода-сь, которую за деньги не купишь, не то что въ какомъ-нибудь семейномъ бытѣ—сиди на вытяжкѣ и водку пей украдкой. Здѣсь выпить, что угодно. Ёсть захотѣлъ—ёсть дадутъ, спать — спи сколько хочешь, хоть два дня, никто и не разбудить. Да онъ самъ, можетъ быть, и совсѣмъ не выйдетъ. Мнѣ часто случается цѣлый день пробыть,—пообѣдаешь, чаю напьешься, такъ и уѣдешь, его не выдавши. — А вы на охотѣ изволили быть? — спросилъ онъ, наливая мнѣ рюмку водки.

— Да, въ полѣ.

— Удачная охота?

— Ничего, трехъ лисицъ затравили.

— Здѣсь этой пакости въ послѣднее время много развелось. Я, доложу вамъ, до куръ большой охотникъ. Нынѣшней зимой раззорила меня лиса. Больше десяти штукъ переѣла. Испанскаго настоящаго пѣтуха такого счистила, ста-бы рублей не взялъ-бы. Ей-Богу не взялъ-бы.

Въ это время вошелъ хозяинъ. Мы раскланялись. Я началъ было рассказывать объ охотѣ.

— Знаю, прервалъ меня Т-въ. Видимо ему было все доложено, въ мельчайшихъ подробностяхъ.

— Выпьемъ-ка водки,—сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

Двѣ рюмки стояли налитыми, но въ графинѣ больше водки не оказалось.

— Что-же ты водки не подашь? сказалъ хозяинъ, обращаясь къ камердинеру.

Тотъ взялъ графинъ и изподлобья посмотрѣлъ на Кусаева, недоумѣвая, когда онъ успѣлъ выпить всю водку.

Выпили водки и сѣли ужинать.

— Хорошо гнала стая? спросилъ Т-въ.

— Не особенно,—отвѣтилъ я, вѣтрено очень,—разбивались.

— Вѣроятно, Василий Егоровъ молодыхъ велѣлъ взять. Чтобы вы не уѣхали съ дурнымъ впечатлѣніемъ объ моей стаѣ, я вѣроятно завтра угощу васъ хорошей охотой.

— Я завтра намѣревался уѣхать.

— Зачѣмъ? Вамъ нужно быть въ Пятницу утромъ въ городѣ. Въ четвергъ, послѣзавтра, вы и поѣдете.

— Я боюсь васъ стѣснить.

— Я думаю, что, уѣзжая изъ дому сегодня на цѣлый день,

я доказалъ вамъ, что нисколько не стѣсняюсь и увѣренъ, что вы нимало не обидѣлись.

— Разумѣется—отвѣтилъ я и пожалъ хозяину руку.

Т-въ вынулъ изъ кармана письмо и подалъ его мнѣ. Какой-то крестьянинъ, величая его: „Ваше милостивое высокородіе, благодѣтель нашъ“, и желая ему полного здравія и благоденствія, увѣдомлялъ, что въ лѣсу Ивняки, третью ночь воютъ волки. Кончалось письмо такъ: „По гробъ временно-обязанный слуга вашъ... Низкопатовъ“...

Я показалъ на слова: „по гробъ временно-обязанный“. Т-въ улыбнулся.

— Мѣсто хорошее,—отъемъ. Если застанемъ—взять можно.

Ужинъ былъ самый тонкій, вина безукоризненныя. Кусаевъ выпилъ только мадеры, а вмѣсто краснаго и шампанскаго требовалъ водки. Къ концу ужина онъ клевалъ носомъ. Когда подали кофе и ликеры, Кусаевъ выпилъ двѣ рюмки коньяку и совсѣмъ осовѣлъ.

— Пора вамъ на отдыхъ, Коммодъ Савельевичъ, сказалъ хозяинъ.

— Я съ вами въ одной комнатѣ лягу,—обратился Кусаевъ ко мнѣ.

— Очень радъ, отвѣтилъ я и подумалъ: „чертъ-бы тебя дралъ“.

— Нѣтъ, сказалъ Т-въ, вы наверху ляжете, обратился онъ къ Кусаеву. —Онъ такъ храпитъ, совсѣмъ спать не дастъ, точно три намазанныя телѣги.

Коммодъ Савельевичъ не возражалъ, раскланялся и вышелъ въ сопровожденіи камердинера.

— Чудакъ этотъ Коммодъ,—замѣтилъ я.

— Пьяница горчайшій, сказалъ серьезно Т-въ, но неглупъ и добрякъ, а что всего важнѣе—не сплетникъ, какъ всѣ деревенскіе жители. За это я его и люблю. Онъ у меня отъ жены скрывается. Ревновать вздумала этого урода. Недавно безъ усовъ ходилъ—всѣ выдрала, опять отросли.

Мы пошли въ кабинетъ. Въ корридорѣ встрѣтили старика Кругликова.

— Въ Ивнякахъ волки, сказалъ ему Т-въ.

— Что-же, надо ѣхать; мѣсто важное, надо ѣхать,—повторилъ Кругликовъ.

Вошелъ Василій Егоровъ и, перекрестившись три раза, сказалъ, низко кланяясь:

— Здравствуйте, сударь.

— Низкопятавъ письмо прислалъ. Въ Ивнякахъ третій день слышны голоса.

— Выводка тамъ нѣтъ-съ, отвѣтилъ Василій Егоровъ утвердительно, развѣ набродные. Изъ бора можетъ быть, тамъ говорятъ рубить начали, чай потревожили, вотъ и перевела.

— Поѣзжай сейчасъ, не отдадутъ-ли ночью, возьми мальчишку. Если есть волки, пришли пораньше мнѣ сказать; я сейчасъ-же выѣду съ охотой.

Я замѣтилъ по-французски, что не лучше-ли послать завтра утромъ, такъ какъ Василій Егоровъ усталъ, ночь темная и дождикъ.

— Пустяки, отвѣтилъ Т-въ;—когда есть спѣшное дѣло, усталости быть не должно, а если не выѣзжать ночью, то придется сидѣть дома, и прибавилъ по-русски:—откладывать нельзя, могутъ сойти.

— Какъ можно, а уйдутъ? сказалъ старикъ Кругликовъ и злобно на меня посмотрѣлъ.

— Мнѣ, право, совѣстно, что я причиною..... началъ было я.

— Ничуть, перебилъ меня Т-въ, если-бы и васъ не было, все равно я послалъ - бы подвыть; мы не упускаемъ такихъ случаевъ.

— До завтраго оставлять нельзя-съ, сказалъ утвердительно Василій Егоровъ, она не тамъ пометала. Звѣря чуть побезпокоютъ, онъ и сойдетъ, гдѣ его потомъ искать-то? нѣтъ, воля ваша, а прикажите сейчасъ ѣхать-съ.

— Бери одного выжлятника и маршъ.

— Дозвольте еще кого-нибудь хоть изъ конюховъ взять. Нужно будетъ на зарѣ материковъ покараулить. Одного я сюда пришлю, а самъ отдохну, утромъ соснуть до васъ надо.

— Возьми кого знаешь. Скажи Морозову, чтобы нарядилъ побойчѣ кого-нибудь.

— Слушаюсь. Я сейчасъ сѣдлатъ прикажу, а самъ закушѣ немножко, да и отправлюсь.

— А далеко? спросилъ я.

— Нѣтъ, сказалъ Василій Егоровъ, верстъ пятнадцать, больше не будетъ. Спокойной ночи, прибавилъ онъ, поклонившись, и вышелъ.

Я никогда не былъ на подвывкѣ, мнѣ хотѣлось поѣхать съ Василюмъ Егоровымъ. Когда мы, пожелавъ покойной ночи на-

шему хозяину, вошли съ Кругликовымъ въ мою комнату, я ска- залъ ему:

— Поѣдѣте-ка, Александръ Васильевичъ, съ Василиемъ Его- ровымъ на подвывку.

— Что вы это? отвѣтилъ онъ такимъ тономъ, который ясно говорилъ: „ты, братецъ, съ ума должно быть спятилъ“.

— Это ночью-то тащиться зачѣмъ? Не слыхали мы нешто, какъ они воютъ? Если они тамъ, мы имъ завтра зададимъ ходу, покажемъ чѣмъ сморкаться нужно.

Я отворилъ балконъ. Сыростью, холодомъ обдало меня. Вѣ- теръ былъ сильный, косой дождикъ лилъ на балконъ, тьма была такая, что передъ самымъ носомъ ничего не было видно. „Да, подумалъ я, Кругликовъ правъ: теплая постель лучше поля подъ дож- демъ, тьмы и мокраго сѣдла. У конюшни съ фонарями сѣдлали лошадей. Высокая фигура Василя Егорова, покрытая буркой къ свѣту, ясно была видна. Онъ вторачивалъ что-то къ сѣдлу.“

— Рога возьмите, рога, кричалъ онъ. — Дорогой неровно растеряемся—голосъ подать. У острова отъ самой сѣчи, тамъ трубить ужъ не смѣй.

Черезъ нѣсколько минутъ три всадника выѣзжали со двора. Къ фонарямъ хорошо видно было движеніе лошадей. Морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу, жутко стало мнѣ: „Боже мой, ду- малъ я, въ такую ночь ѣхать къ волкамъ!“

Фонари погасли. Въ этомъ домѣ не признаютъ ни ночи, ни дождя, ни непроходимой дороги, ничто не останавливаетъ ихъ.

„Тяжела жизнь охотничья!“ сказалъ я, входя въ комнату и закрывая за собою дверь.

— За то по недѣлѣ съ печи не слѣзаютъ, возразилъ глубоко- мысленно Кругликовъ. — Только когда при дѣлѣ у насъ строго, а въ свободное время гуляй сколько хочешь. Отпросись хоть на недѣлю, слова не скажетъ баринъ-то. Намедни мой-то дитятко, Николай-то, выпросился въ городъ на три дня, да и загулялъ. Все пропилъ и платье, и сапоги, и чалаго-то барскаго, на которомъ ѣздилъ, заложилъ у попа. Насилу выкупили. Архіерей приказалъ попу-то, а то не отдавалъ. Я сталъ барину-то говорить: вы-бы, го- ворю, его, Николая-то, хорошенько. — За что? говорить. — Какъ, говорю, за что? Нешто такъ дѣлаютъ? — А зачѣмъ онъ, гово- рить поѣхалъ, вѣдь не Богу молиться, а гулять. Если бы, я, говорить, его за чѣмъ-нибудь послалъ и онъ-бы загулялъ, а то велика бѣда, поѣхалъ гулять и погулялъ. Я, говорить, когда ему приказалъ пріѣхать? — Въ среду, говорю. — Онъ когда пріѣхалъ?

Въ среду.—Значить, говорить, мое приказаніе исполнилъ и разговаривать нечего. Лошадь выкупилъ, а Николаю ни слова. Ну они его и любятъ за это. Однако пора къ барину, спокойной ночи.

IV.

— Вставайте, вставайте скорѣе, Петръ Николаевичъ, будиль меня рано утромъ старикъ Кругликовъ.

— А?.. что?... не понималъ я спросонья.

— Вставайте, сейчасъ сѣдлатъ. Десять волковъ Василій-то Егоровъ подвылъ. Сейчасъ оттуда прислалъ. Долго голосовъ не отдавали, вѣтеръ ночью-то былъ. Подъ утро ужъ отдали.

Я открылъ глаза. Старикъ въ одной рубашкѣ и жилетѣ стоялъ около меня.

— А баринъ всталъ?

— Сейчасъ встаетъ. Камердинеръ будить пошелъ.

— Ну такъ я успѣю.

— Нѣтъ, не успѣете. Ужъ 8-й часъ. Сейчасъ выдемъ.

Какая-то толстая баба подала мнѣ наскоро умыться. Вдругъ во дворѣ послышался рогъ стремянного „сѣдлатъ“. Затѣмъ небольшой интервалъ и другой разъ протрубилъ стремянной: „тревога“. Кругликовъ опрометью бросился изъ комнаты. Я накинулъ пальто и вышелъ на балконъ. Погода была удивительная. Ясно и тихо было, не шелохнетъ; солнце только что начинало всходить.

Прежде всѣхъ выскочилъ доѣзжачій Иванъ, продолжая что-то жевать, затѣмъ изъ избы показался Морозовъ и съ разныхъ концовъ выжлятники и борзятники. Всѣ сразу вывели лошадей, побѣжали съ ними къ пруду, напоили и не болѣе какъ минутъ въ 5, все было посѣдлано. Доѣзжачій съ выжлятниками, на ходу вскочивъ на лошадей, съ мѣста карьеромъ помчались по направленію къ псарному. „Однако живо повернулись: не по вчерашнему“, подумалъ я. Любая пожарная команда позавидовала бы такой скорости. Я посмотрѣлъ вправо. У сарая уже стоялъ заложенный парой тарантасъ и телѣжка въ одиночку. Конюха возились около экипажей. Одни укладывали сѣно въ телѣжку, другіе возжали. Два мальчишка сидѣли на козлахъ.

— Чай кушать пожалуйста, — сказалъ камердинеръ, одѣтый въ охотничье платье. Я вышелъ въ столовую. Т-вѣ, уже въ полномъ охотничьемъ костюмѣ, пилъ чай. На немъ была сѣрая поддевка, кинжалъ на кушакѣ и небольшая мерлушковая шапка

лежала на столѣ. Кругликовъ, со сворой черезъ плечо, прибѣжалъ въ столовую и наскоро выпилъ всего два стакана чаю.

— А Шкапъ Савельевичъ?—спросилъ я совершенно невинно, замѣняя имя Коммодъ словомъ шкапъ.

Т-въ улыбнулся; Кругликовъ захохоталъ. „Коммодъ Савельевичъ спитъ, я думаю“, сказалъ хозяинъ, подымаясь съ мѣста и прибавилъ: „пора выходить“.

Когда мы выходили изъ дверей, стремянной въ полномъ охотничьемъ облаченіи стоялъ на вытяжкѣ.

— Давай рогъ садиться, сказалъ Т-въ.

— Слушаю-съ,—громко отвѣтилъ тотъ и, пропустивъ насъ, скорымъ шагомъ пошелъ къ выходу. Я натянулъ сапоги, взялъ папирсъ и вышелъ на балконъ. Всѣ сидѣли на коняхъ. У задняго подѣзда въ тарантасѣ, къ моему крайнему удивленію, важно возсѣдалъ Коммодъ Савельевичъ, въ какой-то фризовой шинели коричневаго, полинялаго цвѣта и въ форменной, съ краснымъ околышемъ, фуражкѣ. Чухна уже торчалъ на козлахъ. Въ телѣжкѣ сидѣлъ поваръ и какой-то мужикъ съ ружьемъ. У параднаго подѣзда два конюха держали кровнаго рыжаго карабаха.

— Стой, стой, Гудаль, говорилъ ласково стремянной, поправляя подпруги. Гудаль нетерпѣливо рылъ передней ногой землю. Солнце освѣтило ему бокъ. Какъ атласъ, лоснилась его короткая, золотистая шерсть. Вычищенъ, выглаженъ онъ былъ на славу. Черные грива и хвостъ замыты, расчесаны, копыта подмазаны. Я рѣдко видѣлъ такую статную, красивую лошадь. Два черныхъ, какъ смоль, навывкатѣ глаза, маленькая сухая арабская голова, и красныя кровяныя ноздри, придавали Гудалу изящный, но вмѣстѣ съ тѣмъ лихой, отчаянный видъ. Я подошелъ къ Коммоду Савельевичу, пожалъ ему руку и, указывая на Гудала, сказалъ:

— Красавица лошадь.

— Первый сортъ, самый суперфлю, форсить мы очень любимъ,—прибавилъ онъ, подмигивая лѣвымъ глазомъ.

Въ это время вышелъ Т-въ. Всѣ сняли шапки.

— Сколько напуску? обратился онъ къ доѣзжающему.

— Тринадцать смычковъ-съ,—отвѣтилъ тотъ.

— Молодыхъ оставилъ дома?

— Такъ точно съ.

— Гонцевъ всѣхъ взялъ?

— Фагота оставилъ, все еще хромаетъ.

— Въ островѣ не горячись, разбирай толкомъ. На логово

насѣлъ, души. Держись подъ гончими. Гонцевъ слушай, вѣришь—подваливай, зря не вали. Береги, если на зайца натекутъ, сби-вай скорѣй какъ перевидѣлъ звѣря, подавай больше.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ Иванъ.

— А вы, выжлятники, не баловать. Доѣзжачаго безпрестанно слушай, знай гдѣ онъ; рогъ и голосъ въ оба уха слушай. Услы-халъ „сбивать“, лети стрѣлой. Зря не гоняй, по зайцу береги лошадь, по звѣрю не щади, души.

Выжлятники смотрѣли ему въ глаза, но ничего не отвѣтили. Настала очередь борзятниковъ.

— До острова своръ не бросать, отдавалъ приказъ Т-въ. Дорогой ступайте за мной. Подъ островомъ не спать. Послѣднія слова Т-въ сказалъ, обращаясь къ мѣшковатому Леонтью. Всѣ посмотрѣли на него и улыбнулись.

— Слушай доѣзжачаго рогъ. По матерому подавай скорѣй „на драку“, ближняя свора помогай, а то вы всѣ рады бро-ситься, только подай „на драку“, а лазы пустые, звѣрь-то и прорвался. Звѣрь не мѣстный, набродный, живо вразсыпную поидеть. Принимай звѣря скорѣй, возиться нечего. Сострунилъ или откололъ, брось его тутъ. Скорѣе свору—и на лазъ. Къ острову подходить тише; не нелохнись.

Мы сѣли на лошадей.

— Коммодъ Савельевичъ, вы зачѣмъ? спросилъ Т-въ, уви-дѣвъ Кусаева въ тарантасѣ.

— А вотъ посмотрѣть на сію забаву и на благодѣтельное для края уничтоженіе хищныхъ звѣрей,—отвѣтилъ тотъ.

— Ходи! сказалъ Т-въ, обращаясь къ доѣзжачему.

Тотъ двинулся и мы поѣхали вслѣдъ за нимъ.

— Вы служили въ кавалеріи?—спросилъ я Т-ва.

— Никогда, отвѣтилъ онъ улыбаясь.

— У васъ чисто кавалерійская посадка!

— Я съ малолѣтства ѣзжу верхомъ.

Я посмотрѣлъ на Карабаха. Онъ, какъ золото, горѣлъ на солнцѣ.

— На такой лошади на ординарцы подѣхать, а не въ поле,—замѣтилъ я.

— Лошадь хороша. Это мой другъ. Сколько разъ по ночамъ онъ меня выручалъ и привозилъ домой, когда всѣ терали на-дежду найти дорогу.

Гудаль, весь въ лансадахъ, шелъ на задѣ.

— Однако въ полѣ онъ вамъ надоѣдаетъ, я думаю, тропотя все время.

— Успокойтесь—пойдетъ ходой, сказалъ Т-въ.

— Я удивился быстротѣ сегодняшняго сбора, въ особен-ности въ сравненіи съ вчерашнимъ,—замѣтилъ я.

— Безъ меня они всегда копаются, отвѣтилъ Т-въ. Поздно прислалъ Василій Егоровъ. Долго не отдавали волки голосовъ—вѣтрено было. Я боюсь, чтобы не сошли, обидно будетъ, я и приказалъ сѣдлать скорѣе.

Мы спустились съ горы, переѣхали ветхій, покачнувшійся мостъ и пошли луговой дорогой, тинувшейся около маленькой, крутоберегой рѣчки. Вдали виднѣлась высокая гора, поросшая сплошнымъ дубнякомъ, и упраздненный монастырь, который я видѣлъ изъ парка, величественно выдѣлялся изъ окружавшей его зелени. Я жадно вдыхалъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ. Т-въ ѣхалъ молча, опустивъ голову.

— Вы здѣсь скучаете должно быть?—спросилъ я его.

— Менѣе чѣмъ гдѣ-либо, отвѣтилъ онъ. Я люблю охоту; меня охота волнуетъ, а человѣку хотя изрѣдка необходимо волненіе, иначе онъ становится вялымъ, апатичнымъ.

Въ это время мы вѣхали въ сосновый лѣсъ.

— Какъ славно пахнетъ сосной,—сказалъ я, глубоко вдыхая въ себя воздухъ.

— Да, хорошо, отвѣтилъ небрежно Т-въ.

Выѣхавши изъ лѣса, мы очутились на полевой дорогѣ.

— Стоять, сказалъ Т-въ, оборачиваясь къ стремянному и останавливая лошадь.

Тотъ подалъ рогъ. Шедшій впереди доѣзжачій остановился.

— Мы пойдемъ прямо полемъ, — тутъ ближе, а тарантасъ дорогой. Посылай, Васька, не зѣвай, вамъ версты три лишнихъ.

Тотъ сталъ хлестать по лошадямъ и тарантасъ съ телѣжкой скрылись изъ виду. Только что мы повернули сжатымъ ржанымъ полемъ, какъ изъ-подъ ногъ лошади доѣзжачаго выскочилъ русакъ - материкъ. Стая въ смычкахъ приняла его на взрѣчь. Борзыхъ на заднихъ ногахъ встали на сворахъ и чуть не стащили съ лошадей борзятниковъ. Никто не отдалъ своры. Жаль мнѣ было русака. Если-бы у меня была свора, я-бы непременно пустилъ борзыхъ.

— Потравить-бы надо,—сказалъ я.

— Собакъ нужно побережь, отвѣтилъ Т-въ.

Иванъ и выжлятники заскакали стаю; слышались удары арапника. „Стой, стоять“ — стая снова молча двинулась за хвостомъ доѣзжачаго, а напуганный русакъ, приложивъ уши, катилъ полемъ.

Пройдя верстъ пять, мы подъѣхали къ большому селу. Масса хлѣба стояла въ полѣ; село видно было богатое. Т-въ повернулъ къ одному изъ одоньевъ. Вся охота остановилась.

— Подождемъ тарантасы, сказалъ Т-въ, слѣзая съ лошади. Они этой дорогой поѣдутъ? спросилъ онъ стремянного.

— Такъ точно-съ, больше имъ негдѣ проѣхать,—отвѣтилъ тотъ, выторачивая бурку и разстилая ее у одонья. Затѣмъ на дѣлъ на своихъ собакъ намордники, привязалъ ихъ и принялъ лошадей. Старикъ Кругликовъ закурилъ папиросу и сѣлъ около насъ. Мы долго болтали съ Кругликовымъ объ охотѣ; Т-въ лежалъ молча, смотря въ даль.

Наконецъ онъ повернулся и, обращаясь къ старику, сказалъ:

— Ну какъ-же, Александръ Васильевичъ, травить-то сегодня будемъ? Какъ ты себя чувствуешь?

— Только-бы показался, спуску не дадимъ,—отвѣтилъ тотъ увѣреннымъ тономъ.

— А если протравишь?

— Ну ужъ, кажется, этому не бывать,—Побѣдимъ сегодня въ духу, такъ козыремъ и ходить.

— На матераго тебя-бы наткнуть, сказалъ Т-въ.

— На матераго, оно точно,—почесавъ въ затылкѣ, отвѣтилъ старикъ.—Я какъ намедни матераго травилъ, Побѣдимъ его въ ухо. Такъ нѣтъ, поганый...

Въ это время подъѣхали ружейники.

— Ну что, Коммодъ Савельевичъ, порастрясло? спросилъ Т-въ.

— Онъ все макома (по-чухонски: „спить“), отвѣтилъ, улыбаясь, Агей.

— На коня! сказалъ Т-въ и направился къ околицѣ села.

— Тѣснѣ стаю, крикнулъ Иванъ выжлятникамъ, вѣзжая въ село.

— Къ заду, къ заду! слышались голоса подбойщиковъ.

Былъ праздничный день, все село высыпало на улицу. Мальчишки и дѣвчонки бѣжали сзади, по временамъ слышался дѣтскій голосъ:

— Собачки-то, собачки...

— Мотри, она тебя съѣстъ! кричалъ мальчишка.

— Анъ не съѣстъ, отвѣчала дѣвчонка въ длинномъ вишуншкѣ и побѣжала за собаками.

Всѣ мужики снимали шапки. Бабы и дѣвки низко кланялись,

Въ серединѣ села, выбѣжалъ изъ избы молодой мужикъ, въ хорошей суконной поддевкѣ и, низко поклонившись, сказалъ:

— Здравствуйте, батюшка, ваше благородіе.

— Низкопатовъ, здравствуй, отвѣтилъ Т—въ, не останавливая лошади.

Я вспомнилъ, что это человѣкъ „по гробъ временно-обязанный“ и невольно улыбнулся.

— Василій Егоровъ гдѣ? спросилъ Т—въ.

— Онъ тамъ, въ лѣсу. Сегодня здѣсь и не бывалъ, отвѣтилъ Низкопатовъ. Ко мнѣ чай кушать просимъ милости, прибавилъ онъ.

При выѣздѣ изъ села я замѣтилъ, что Т—въ необыкновенно пристально смотрѣлъ на одну довольно хорошую каменную избу, какъ видно, принадлежащую зажиточному крестьянину. Около избы стоялъ старикъ и двое мальчишекъ. Масса ребятишекъ выбѣжала за село.

— Я вотъ васъ, пострѣлять, арапникомъ, крикнулъ старикъ Кругликовъ.

Четверть версты проѣхали мы за село. По дорогѣ торопливо шла баба въ ярко-красномъ сарафанѣ; при видѣ гончихъ, она своротила съ дороги и, поклонившись, пропустила Ивана.

— Маша! вырвалось невольно у Т—ва.

Онъ круто своротилъ съ дороги и остановилъ Гудала. Охота также пріостановилась, но онъ махнулъ рукой, и всѣ пошли дальше. Я невольно осадилъ лошадь.

Стройная, необыкновенно красивая брюнетка, лѣтъ семнадцати, стояла около дороги. Она была одѣта въ красный кумачевый сарафанъ и бѣлую кисейную, чистую рубашку. Все сидѣло на ней съ отпечаткомъ особаго кокетства. Длинная, черная, воронаго крыла, съ небольшимъ стальнымъ отливомъ, коса, заплетенная въ двѣ пряди, спускалась почти до земли. Въ концахъ косы вплетены были двѣ желтыя, шелковыя ленты. Большіе, на выкатѣ, черные глаза, закрытые сверху густыми рѣсницами, блестѣли какимъ-то вызывающимъ огнемъ. Высокій, какъ изъ мрамора выточенный, лобъ, матово-смуглая кожа, несмотря на загаръ, имѣла необыкновенно нѣжный видъ. Густой румянецъ равномерно покрывалъ обѣ щеки, небольшой, правильный носикъ, съ прозрачными тонкими ноздрями и малиноваго цвѣта полураскрытыя губки, съ бѣлыми, ровными, какъ изъ слоновой кости, зубами, придавали ей видъ сладострастной красавицы. Если-бы художникъ пожелалъ изобразить верхъ сладострастія и красоты,

лучшей натурщицы онъ не могъ-бы найти. Нѣгу, блаженство общало каждое ея движеніе.

Когда я черезъ нѣсколько мгновеній очнулся отъ сильнаго впечатлѣнія, Т—въ, повернувъ голову, смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза. Тутъ я только понялъ, что я лишній и толкнулъ своего донца. Но, проѣхавъ нѣсколько шаговъ, я не выдержалъ и обернулся. Она стояла около лошади, правой рукой опираясь на ея шею и что-то тихо говорила Т—ву, который нагнулся съ сѣдла къ ея головкѣ. Глаза и улыбка ея ясно выражали удовольствіе.

Когда я догналъ старика Кругликова, онъ, обернувшись ко мнѣ, сердито проворчалъ:

— Нарочно, шкура, за село вышла съ бариномъ повидаться. Все шуры-муры, знаемъ мы ихъ! Тутъ торопиться нужно, а онъ съ бабами,—прибавилъ онъ глухо, недовольнымъ тономъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Александръ Васильевичъ, вѣдь она красавица.

— Всѣ они изъ одной глины сдѣланы,—сказалъ онъ съ видимымъ презрѣніемъ. Нужно подождать барина, крикнулъ онъ доѣзжающему. Всѣ остановились.

— Далеко до острова? спросилъ я.

— Вплоть, отвѣтилъ Иванъ; онъ за горой, не видать.

Старикъ слѣзъ съ лошади и, пристально смотря на дорогу, выражалъ полное нетерпѣніе. Онъ безпрестанно повторялъ: „Нѣтъ, не видать!“ Болѣе полчаса прошло, Т-ва все не было. Наконецъ вдали показалось облако пыли и затѣмъ мы увидѣли какъ стрѣлой мчалъ Гудаль по дорогѣ своего всадника; взмыленный, онъ сразу остановился около насъ. Проѣхавъ небольшой перелѣсокъ, мы стали спускаться съ горы и глазамъ нашимъ предстала слѣдующая картина: подъ горой текла довольно широкая рѣчка, съ пологими берегами; какъ серебристая змѣя извивалась она полукругами и неправильными изгибами и суживаясь, пропадала вдаль. Черезъ рѣчку, прямо подъ нами, перекинутъ былъ небольшой мостъ. Далѣе тянулась большая котловина, вся поросшая скошенной травой и оканчивающаяся съ трехъ сторонъ небольшими возвышенностями, на которыхъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ зеленый бархатный коверъ, виднѣлись полосы озимей и сжатыхъ, желтыхъ полей. Съ четвертой стороны, влѣво отъ моста, котловина продолжалась далеко лугами и оканчивалась хвойнымъ лѣсомъ. Въ серединѣ котловины былъ островъ (лѣсъ), на видъ не болѣе десятины пятидесяти. Имѣя почти правильную форму овала и поросшій сплошнымъ ивнячкомъ съ

торчащими кое-гдѣ большими березами, онъ, по направленію къ мосту, оканчивался совсѣмъ острымъ угломъ. Около лѣса въ разныхъ мѣстахъ луга стояли большіе стога сѣна.

— Вотъ гдѣ волки, сказалъ Т-въ, указывая на овальный островъ котловины.

Подъ однимъ изъ стоговъ, недалеко отъ моста, закутавшись въ бурку, спалъ Василиій Егоровъ. Около него ходила посѣдланная гнѣдая лошадь. Направо, на самомъ высокомъ мѣстѣ, сидѣлъ верхомъ на лошади молодой парень и пристально смотрѣлъ на лѣсъ. Переѣхавши мостъ, всѣ замолкли, ни малѣйшаго звука не издалъ никто. Иванъ сталъ махать верховому, чтобъ онъ подѣхалъ, но тотъ, видимо получивъ приказанія Василиія Егорова—не двигаться съ мѣста и слѣдить не вышли-бы волки, не обращалъ никакого вниманія на знаки Ивана. Всѣ слѣзли съ лошадей. Иванъ послалъ выжлятника, приказавъ ему потише подѣхать и разбудить Василиія Егорова. Выжлятникъ Ванюшка—бойкій мальчишка, растолкалъ Василиія Егорова, поймалъ его лошадь, подтянулъ подпруги и они тихо подѣхали къ намъ. Весь послѣдующій разговоръ происходилъ шопотомъ.

— Здравствуйте, сударь! сказалъ Василиій Егоровъ, обращаясь къ Т—ву. Я вашу милость такъ рано не ждалъ. Соснулъ маленько. Еще полдень нѣтъ, прибавилъ онъ, смотря на солнце.

— Половина двѣнадцатаго, сказалъ я, вынимая часы.

— Отдали голоса? спросилъ Т....

— Къ утру ужъ отдали, когда погода поразведрилась; одинъ матерый, три переярка-съ и шесть молодыхъ. Да вотъ я Игнатъ, чуть еще брезжится стало, на горѣ поставилъ смотрѣть, не вышли-бы, подлые; такъ онъ говорить, часа такъ два назадъ, еще материкъ отъ рѣчки ввалился.

Онъ махнулъ Игнатию рукой; тотъ направился къ намъ.

— Извольте отдохнуть немного, сказалъ Василиій Егоровъ, разстилая свою бурку, а намъ съ Иваномъ островъ обойти нужно. Онъ вѣдь островъ-то чай, поди, не помнитъ-съ. Давно онъ тутъ былъ, еще когда должно быть у Никифора выжлятникомъ фз-диль-съ. Пойдемъ, Иванъ, пѣшками, —верхомъ-то опасно, не изгадить-бы дѣло. Звѣрь набродлый, полегъ не крѣпко, какъ разъ вонъ попросится. Рогъ-то сними, а то къ солнцу, пожалуй, видно будетъ.

Иванъ поставилъ рогъ передъ стаей и съ Василиемъ Егоровымъ отправился въ островъ. Т—въ легъ на бурку и ни слова не вымолвилъ. Видимо, что мысли его были далеко. Передо мною

все стоялъ образъ красавицы Маши, съ ея милой, доброй улыбкой. Такой очаровательной улыбки, подумаль я, позавидовала-бы самая наша зайдлая, ученая, тонкая кокетка. — Что-бы съ этой красотой можно-бы сдѣлать въ Петербургѣ. Нѣтъ, ее наше воспитаніе только испортило-бы. Тѣмъ она особенно и привлекательна, что въ ней нѣтъ ничего искусственнаго. Сама природа, создавъ такое совершенство, не допустила ее до какихъ-нибудь поддѣлокъ, шлифовокъ и постороннихъ примѣсей. Никто ею не любитъся, никто ей не льститъ. Покажись она въ коляскѣ на Невскомѣ, или въ ложѣ бель-этажа, — какой фуроръ произвела-бы она?

Да не то тебѣ пало на долю:
 За нерику пойдешь мужика,
 Завязавши подъ мышки передникъ,
 Перетянешь уродливо грудь;
 Будетъ бить тебя мужъ привередникъ
 И свекровь въ три погибели гнеть.

Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно. Поэтичный образъ красавицы не давалъ мнѣ покоя. Охота потеряла всякій интересъ, и я съ удовольствіемъ бросилъ-бы волковъ и поскакалъ полюбоваться еще разъ этими дивными чертами.

Прошелъ часъ; наши не возвращались изъ острова. Нѣкоторые борзятники дремали. Старикъ Кругликовъ выражалъ нетерпѣніе.

— Спать легли они тамъ, черти, что-ли, ворчалъ онъ.

Наконецъ на опушкѣ показались ловчій и доѣзжачій. Они остановились невдалекѣ отъ острова, и Василій Егоровъ долго толковалъ что-то Ивану, указывая безпрестанно пальцемъ то въ правую, то въ лѣвую сторону острова. Наконецъ медленно подошли они къ намъ.

— Извольте садиться, сказалъ Василій Егоровъ.

— Ну мѣсто—просто гульное, говорилъ Иванъ. Только въ срединѣ болотисто больно. — Смотри, лошадей не завязи, обратился онъ къ выжлятникамъ, а то прокопаешься тамъ въ болотѣ-то, а на дѣло-то тебя и нѣтъ.

— Берите мою свору, пусть стремянной идетъ съ вами, а я пойду съ ружьемъ, сказалъ Т—въ.

— Мнѣ совѣстно, началъ было я.

— Я васъ уже предупреждалъ, перебилъ онъ, что я изъ любезности никогда не стѣсняюсь.

— Виновать, отвѣтилъ я и не сталъ болѣе возражать.

— Баринъ въ островѣ на овражкѣ съ ружьемъ стануть, толковалъ Василій Егоровъ Ивану. Что отъ логовъ-то вражекъ поправѣ взялся, отъ ручейка-то, пояснялъ Василій Егоровъ. Такъ въ началѣ его, я ихъ тутъ и поставлю.

— Слышу, отвѣтилъ Иванъ. А они гдѣ стануть? спросилъ онъ, указывая на меня.

— На горѣ, подальше немного отъ того мѣста, гдѣ Игнатка стоялъ; тутъ они за кустомъ съ Арсентьемъ и стануть. Имъ вся музыка видна будетъ.

— Ладно, отвѣтилъ Иванъ.

Василій Егоровъ распредѣлил своры такимъ образомъ:

Направо отъ моста, недалеко отъ рѣчки за мостомъ, № 1-мъ становился Леонтій. За нимъ, на горѣ въ овражкѣ № 2-мъ — Петрушка, № 3-мъ — я съ стреляннымъ; два дубовыхъ куста въ полѣ должны были служить намъ прикрытіемъ. № 4, прямо противъ моста по другую сторону острова, — старикъ Кругликовъ. Налѣво отъ моста, на лугу за стогомъ, № 5 — Николай Кругликовъ и, наконецъ, вблизи моста, за стогомъ, подъ которымъ спалъ Василій Егоровъ, № 6 — Морозовъ.

Обратившись къ намъ, Василій Егоровъ, совершенно увѣреннымъ тономъ, объяснилъ:

— Матерые должны къ рѣчкѣ направленіе имѣть, на Леонтья, либо на Мороза и на Петрушку выйти можетъ, а все-таки къ рѣчкѣ трафиться будетъ, тутъ ужъ другъ дружкѣ помочь надо. Переярки и молодые должны въ гору проситься на нихъ, прибавилъ онъ, указывая на меня и на Александра Васильевича. А быть можетъ, прибавилъ онъ подумавъ, переяркъ гонный и къ рѣчкѣ сунется — ну, прибылому тутъ лазу нѣтъ. Ты, Иванъ, гончихъ здѣсь разомкни и веди пѣшкомъ лошадь въ поводу, садиться не моги и вы, выжлятники, пѣшкомъ, и пока Иванъ рога не дастъ, тише воды будь, не дыши. Какъ ты, Иванъ, подойдешь къ большому кусту въ приболотинѣ, что я тебѣ показывалъ...

— Это у логовъ-то? спросилъ Иванъ.

— Да, да, недалече-то. Какъ подойдешь къ этому кусту, — и слушай. Какъ мой рогъ услышалъ, борзятники, значить, на лазахъ, сейчасъ вскочилъ на лошадь, рогъ мнѣ отдай и насадъ на логова. — Сказавъ это, онъ сдѣлалъ отрывистое движеніе рукой сверху внизъ. Я съ той стороны ужъ подоспѣю, прибавилъ онъ, кивнувъ головою. Вы, выжлятники, какъ Иванъ на лошадь, вы тише по сторонамъ и равняйтесь, а главное, рогъ доѣзжачаго слушай

въ оба. Сбивать услыхаль,—изъ земли вырасти, а будь тутъ. Держись все къ доѣзжаему и вамъ легче будетъ. А они-съ, обратился Василій Егоровъ, указывая на Коммода Савельевича, такъ-съ только, для удовольствія значить?

— Я здѣсь у тарантаса останусь, мнѣ видно будетъ. Диллокація объявлена, нашествіе начинается, сказалъ Кусаевъ торжественно.

Стремянной отдалъ Гудала Игнатію, покрылъ его попоной и строго приказалъ ни на минуту отъ него не отходить.

Василій Егоровъ снялъ шапку, три раза перекрестился и сказалъ: „Съ Богомъ“.

Всѣ борзятники двинулись. Василій Егоровъ взялъ свою лошадь въ поводъ, ружье Т-ва на плечо и пошелъ съ нимъ рядомъ. Сзади камердинеръ, поваръ, чухонецъ и мужикъ съ ружьями, Иванъ съ выжлятниками принялся размыкать гончихъ. Вскорѣ къ острову пошелъ тихо Иванъ, за нимъ тянулась стая собакъ, а за стаяй выжлятники.

Мы съ Арсентьемъ стали на лазъ. Съ горы намъ все было видно, какъ на ладони. Черезъ нѣсколько минутъ изъ лѣсу вышелъ Василій Егоровъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ кругомъ острова. Я любовался его красивой посадкой. Молодцовато, немного бокомъ, сидѣлъ онъ на своей лошади. Обѣхавъ островъ и убѣдившись, что всѣ борзятники на мѣстахъ, онъ снялъ шапку, снова три раза перекрестился, толкнулъ гнѣдого и, скрывшись въ островъ, подалъ въ рогъ. Я затаилъ дыханіе и не отрывалъ глазъ отъ острова. Послышался отвѣтный рогъ доѣзжачаго и сразу громко заоралъ онъ:

— Улю, лю, лю, ог-го-го— буди его, буди!... тутъ лежитъ, тутъ! Доберись до него, доберись, собачки, ну-ка его, ну-ка его!..

— Гау, гау, гау, раздался пискливый голосъ собаки.

— Скрипка отозвалась, сказалъ мнѣ шепотомъ Арсентій, значить вѣрно.

Мы оба, пригнувшись къ сѣдламъ, затаили дыханіе.

— Къ нему, къ нему! послышался голосъ Ивана.

— Вались, вались къ нему!.. вдругъ раздался по всей котловинѣ, громкій, чистый, ясный теноръ Василія Егорова.

— Ну у старика голосъ? чудо! шепнулъ я Арсентію.

— Такой голосище—на диво! отвѣтилъ тотъ.

— Вались, вались! повторилъ Иванъ и сразу вся стая заваляла. Кто-то подалъ рогъ.

— Ванюшка выжлятникъ—по красному, сказалъ Арсентій.

Варомъ варили гончія. По временамъ густой, отрывистый басъ какого-то выжлеца выдѣлялся изъ всѣхъ и покрывалъ всю стаю. Вдругъ разливались отчаянные съ заливомъ голоса и пискливый голосишка какой-нибудь выжловки, дошедшій до слуха на мгновеніе, покрывался немедленно ревомъ всей стаи. Въ промежуткахъ слышалось громкое, зычное порсканье Василя Егорова и отрывистый голосъ Ивана.

Весь лѣсъ ожилъ, зашевелился, застоналъ.

Если вы, читатель, не охотникъ, вамъ трудно понять, какъ замираетъ дыханіе, когда слышишь отчаянный вопль дружной стаи и рогъ доѣзжачаго: «по красному». Если-же вы охотникъ, вы повѣрите мнѣ, что въ эту минуту я забылъ и красавицу Машу, и все на свѣтѣ и, пригнувшись къ лукѣ, замеръ въ какомъ-то страстномъ упоеніи.

А лѣсъ все стоналъ, стоналъ и стоналъ. Казалось, что каждое дерево двинулось съ мѣста, казалось, — адъ кипѣлъ въ самой срединѣ лѣса. Провела стая кругомъ и снова вернулась въ нашу сторону.

Вдругъ направо отъ насъ кто-то заоралъ отчаяннымъ голосомъ:

— Ну ка его, ну ка его! и Петрушка, пригнувшись къ лукѣ, мчался внизъ къ лугу, неистово погоняя арапникомъ своего Чубараго коня. Впереди всѣхъ неся половой Похваль, за нимъ сука Зима, а сзади—бѣлый хортый Наянъ. Навстрѣчу имъ изъ острова, поджавъ хвостъ между ногъ, заложивъ уши и безпрестанно робко озираясь,—катилъ громадный волкъ—материкъ. Онъ показался мнѣ чудовищныхъ размѣровъ.

Со всего размаха грудь съ грудью встрѣтились они съ Похваломъ, ударъ былъ сильный, оба кубаремъ полетѣли на землю. Я невольно на мгновеніе закрылъ глаза. Волкъ вскочилъ, но не успѣлъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ въ шиворотъ взялъ его Наянъ, въ ту-же минуту Зимахватила за гачи. Похваль справился и, мертвой хваткой, повисъ на ухѣ волка. На секунду осилили собаки, пріостановили звѣря. Петрушка подскакивалъ уже близко къ волку и, задыхаясь отъ крика, подаль „на драку“. Но было уже поздно. Не успѣла свора Леонтья въ тотъ моментъ, когда собаки остановили волка. Звѣрь быстро приподнялся на воздухъ, сдѣлалъ, какъ будто, небольшое усиліе — и собаки, какъ дождикъ, разлетѣлись въ разныя стороны. Похваль сѣлъ на заднія ноги и жалобно завизжалъ. Видно было, что онъ былъ пораненъ. Наперекоси въ это время подоспѣла черно-

пѣгая сука Леонтія, но не сдѣлавъ даже хватки, остановилась около звѣря. Еще секунда,—черный Лезгинъ въ шиворотъ и снова кубаремъ покатился со звѣремъ, подоспѣлъ Арапъ и опять пріостановили волка. Ни Петрушки, ни Леонтію не удалось въ этотъ моментъ подоспѣть, несмотря на то, что секунды двѣ, можетъ быть, собаки держали звѣря. Волкъ страхнулъ Лезгина и далеко отбросилъ Арапа; тотъ полетѣлъ въ сторону и всталъ, хромя.

Освободившись отъ собакъ, волкъ покатилъ по направленію къ рѣкѣ, отдѣляя все дальше и дальше четырехъ скакавшихъ за нимъ борзыхъ. Въ это время вся стая была уже на лугу и слѣдомъ гнала этого волка. На опушкѣ показался Василій Егоровъ, за нимъ Иванъ, и оба подали голосъ: „сбивать“. Съ двухъ концовъ острова выскочили маленькіе выжлятники и, пригнувшись къ луку, на своихъ бѣлыхъ, рѣзвыхъ лошадакахъ, покатали за стаей. Съ одного слетѣла красная шапка, онъ продолжалъ скакать. Иванъ тоже поскакалъ вслѣдъ за ними. Добравшись до рѣчки, волкъ бросился въ воду и вплавъ перебрался на другой берегъ. Борзые остались на берегу. Стая, взявъ на зрачекъ звѣря, въ то время, какъ онъ вылѣзаетъ на другой берегъ, вся съ голосомъ поплыла на ту сторону. Выжлятники не успѣли. Все было кончено,—стая сорвала, охота пропала.

— Упустили стаю, сказалъ я съ досадой Арсентію.

— Собыютъ,—отвѣтилъ тотъ спокойно.

Василій Егоровъ и Иванъ, безпрестанно подавая въ рогъ, кричали:

— Береги, выжлятники, стаю, береги!

Наверху, влѣво отъ насъ, старикъ Кругликовъ началъ травить, очевидно шумового звѣря, и его непечатныя ругательства далеко разносились по всей котловинѣ.

— Александръ Васильевичъ травятъ,—сказалъ мнѣ Арсентій.

— Слышу,—отвѣтилъ я, но смотрѣлъ въ другую сторону: меня интересовала болѣе всего стая. Выжлятникъ поменьше началъ отдѣлять своего товарища. Видно было, что подъ сравнительно легкой ношей свободнѣе скакала лошадь. Подъѣхавъ къ берегу рѣки и не пріостановивъ даже на секунду лошади, онъ со всего карьера ухнулъ съ ней въ воду. Я невольно вздрогнулъ. Быстро переплылъ онъ рѣку, ухватившись за гриву лошади, и не успѣли еще всѣ гончія выбраться изъ воды, онъ заскакалъ переднихъ, сбиль со слѣду, воротилъ ихъ къ рѣкѣ и вплавъ погналъ на нашу сторону. Волка конечно давно уже не было видно.

— Молодецъ, молодецъ—мальчишка, невольно повторилъ я.

— Выкупался ловко Арсюшка, сказалъ, улыбаясь, стремянной Арсентій.—Хорошо пришлось, а немного правѣ увязъ-бы, прибавилъ онъ, какъ будто сожалѣя, что тезка его не увязъ.

Иванъ принялъ стаю. Другой выжлятникъ безъ шапки проводилъ Ивана до острова, а маленькій Арсенька, переплывши на эту сторону, слѣзъ съ лошади, снялъ сапоги, вылилъ изъ нихъ воду и, сѣвъ на лошадь, рысью поѣхалъ къ острову. На дорогѣ онъ поднималъ фуражку своего товарища. Не успѣлъ Иванъ со стаей ввалиться въ островъ, какъ снова сразу заварили гончія.

— Береги, въ ноги, крикнулъ Василій Егоровъ зычнымъ голосомъ.

На той сторонѣ Морозовъ и Николай Кругликовъ начали травить. Двѣ гончихъ отшиблись и повели влѣво. Тотчасъ сбиль ихъ выжлятникъ и подвалилъ къ стаѣ.

Я разсѣянно взглянулъ на лугъ. У меня сразу замерло дыханіе и положительно потемнѣло въ глазахъ. Прямо на штыкъ намъ, между кочками, лѣзъ порядочный величины волчище.

— Матерый! шепнулъ я.

Арсентій, ничего не отвѣтивъ, отрицательно покачалъ головой. Наши собаки помѣтили и стали рваться на сворѣ. Арсентій пригнулся къ сѣдлу, затаилъ дыханіе и не отдавалъ своры. Видно было, что это былъ настоящій, опытный борзятникъ. На опушкѣ показался Иванъ:

— Стой, стоять, крикнулъ онъ и, не пустивъ даже гончихъ вывалить изъ острова, вернулъ ихъ и снова запорскалъ.

Въ лѣсу слышались два выстрѣла; волкъ наддалъ и быстрѣ пошелъ на насъ. Одна изъ нашихъ борзыхъ взвизгнула. Звѣрь сразу остановился, поднялъ голову, поставилъ уши и, вѣроятно оглядѣвъ насъ, круто повернулъ и пошелъ обратно въ островъ. Арсентій отдалъ свору. Собаки живо настигли звѣря. Вавизгнулъ Арсентій, когда собаки были уже близко. „Ну-ка его, ну-ка его, мерзавца“, кричалъ онъ. Мы карьеромъ неслись къ звѣрю. Первый выѣхалъ Лиходѣй и, хвативъ волка въ шиворотъ, остановилъ его на мѣстѣ. Тотчасъ-же подоспѣлъ Красавецъ и мертво взялъ въ ухо; сука только щипнула раза два. Кубаремъ слетѣлъ Арсентій и всей грудью наѣлился на волка. Въ одно мгновеніе онъ ловко сострунилъ его и перевязалъ ему бичевой ноги. Долго не могъ онъ оторвать Лиходѣя. Арапникомъ пришлось разжимать ему щипецъ. Глаза у него налились кровью, онъ замеръ на звѣрѣ. Наконецъ отбили собакъ, взяли ихъ на

свору и рысью отправились снова на лязъ. Большой переярочъ остался, соструенный и связанный, на мѣстѣ.

— Съ полемъ имѣю честь поздравить, сказалъ Арсентій. А вѣдь раненый матерый нашимъ лязомъ, подлець, прошелъ, — пока мы травили, прибавилъ онъ съ досадою.

— Я не видалъ.

— Я видѣлъ, да ничего не подѣлаешь. Съ Лиходѣмъ долго провозился.

Послышался еще выстрѣлъ. Гончія изъ кожи лѣзли, оглашая всю котловину дикимъ, музыкальнымъ воплемъ. Василій Егоровъ и Иванъ, держась около нихъ, подзадоривали собакъ. На той сторонѣ снова начали травить. Я случайно обернулся на лѣво и увидалъ слѣдующую картину.

Петрушка сидѣлъ верхомъ на волкѣ и откалывалъ его кинжаломъ. Собаки держали волка. Чубарый стоялъ, понутивъ голову. Вдали лежалъ раненый Похваль. Леонтія, смирно стоявшій внизу, вдругъ помчался навверхъ, не спуская собакъ со своры.

— Что-нибудь пропустилъ, проспалъ, — сказалъ, улыбаясь, Арсентій, — ишь помчался, прибавилъ онъ, указывая на Леонтія.

Наконецъ стая умолкла. Ничего долго не было слышно. Снова отозвалась какая-то гончая и снова лѣсъ задрожалъ отъ неистоваго гона. Нѣсколько разъ подавали „по волку“. Съ полчаса держала въ острову стая, ничего выходило въ поле и выстрѣла не было слышно. Вдругъ на секунду замолкла стая и послышались голоса собакъ, какъ будто вцѣпившихся другъ въ друга. Иванъ и Василій Егоровъ что-то громко закричали.

— Изъ-подъ гончихъ, звѣря приняли, сказалъ мнѣ Арсентій.

Черезъ нѣсколько минутъ на опушку выѣхалъ Василій Егоровъ; поперегъ лошади спереди лежалъ молодой волкъ. Онъ сбросилъ волка и быстро скрылся въ лѣсу. Три гончихъ гнали въ лѣвой сторонѣ острова. Иванъ подвалилъ собакъ, но не успѣли гончія дружно взять, какъ ружейный выстрѣлъ, другой — и послышался голосъ:

„Дошелъ, дошелъ“.

Долго продолжалось молчаніе, какъ будто умерло все въ лѣсу; наконецъ пѣшкомъ, ведя въ поводу лошадь, показался Василій Егоровъ и подалъ отзывной рогъ.

— Поѣдемъ, сказалъ я Арсентію.

— Нельзя, отвѣтилъ онъ, когда Иванъ подастъ, тогда можно.

Послышался рогъ доѣзжачаго, всѣ борзятники поочередно от-

вѣтили и двинулись съ лазовъ. Изъ острова вышелъ Иванъ и, ставъ на пригоркѣ, началъ подзывать гончихъ.

— Къ рогу, къ рогу вались! слышались въ острову голоса мальчишекъ-выжлятниковъ и хлопанье арапника.

Съ большимъ трудомъ мы вдвоемъ съ Арсентіемъ приподняли нашего волка, второчили его на буланого и поѣхали къ тарантасу. Арсентій сбросилъ у тарантаса звѣря, взялъ въ поведъ Гудала и рысью поѣхалъ обратно къ острову. Коммодъ Савельевичъ сидѣлъ у разведеннаго огня.

— Кажется счастливо кончилось сраженіе?—спросилъ онъ меня. Непріятель должно-быть сильно пострадалъ.

— Не знаю. Мы затравили переярка, да Петрушка, я видѣлъ, затравилъ волка, изъ-подъ гончихъ одного приняли.

Коммодъ Савельевичъ съ любопытствомъ разсматривалъ сотруннаго волка. Поваръ возился около походной плиты. Стали собираться борзятники.

Приѣхалъ первый кучеръ Морозовъ, выторочилъ волка, привязалъ свору и началъ таскать дрова на костеръ.

— Мы съ Николаемъ, сказалъ онъ, вздохнувъ глубоко,—переярка прогладили. Остановили хорошо сперва, страхнулъ какъ-то, да и въ рѣку. Такая досада, лучше-бы не видать.

Приѣхалъ Т-въ, за нимъ стремянной и Василій Егоровъ. Чухна несъ за хвостъ лисицу.

— Вотъ этого изъ-подъ гончихъ приняли, говорилъ Василій Егоровъ, выторачивая волка.

— Сколько-же всего взяли? спросилъ я.

— Шестерыхъ-съ: двухъ переярковъ-съ и четверыхъ молодыхъ-съ. Стало быть вы переярка, одного молодого—Морозовъ Василій Ивановичъ, Петрушка одного-съ, изъ подъ гончихъ приняли одного-съ, баринъ по матерому стрѣляли, сильно ранили, не долженъ-бы кажется уйти,—по вашему лазу ушелъ. Долго Арсентій съ переяркомъ копался.

Въ это время подѣхалъ старикъ Кругликовъ, лице его сіяло отъ радости. Поперегъ лошади лежалъ волкъ-переяркъ, въ то-рокахъ матерая лиса.

— Каковъ миланъ-то?—говорилъ онъ, указывая на волка.

— Съ полемъ, Александръ Васильевичъ, сказали почти всѣ.

— Благодаримъ покорно, отвѣтилъ онъ, снявъ фуражку и раскланиваясь направо и налево. „И вы никакъ такого-же? обратился онъ ко мнѣ.

— Отъ одной должно быть матери—отвѣтилъ я.

Собрались все, не было одного Петрушки. Въ торокахъ у Леонтія была прибылая лиса. Черный псовый кобель Арапъ шелъ за Леонтіемъ на трехъ ногахъ.

— Опять чуть лису-то не проспалъ, сказалъ, улыбаясь, Василій Егоровъ.

— Фу ты, Боже мой! отвѣтилъ Леонтій,—затравилъ, а тутъ говорятъ—проспалъ.

— Отчего у тебя Арапъ хромаетъ? спросилъ Т-въ.

— Волкъ маленько задѣлъ—отвѣтилъ Леонтій.

— Такъ маленько, сказалъ Василій Егоровъ, покачивая головой и поднимая лапу Арапа,—что пожалуй совсѣмъ собака-то не годится: въ сухожиліе хватка-то. Ты-бы ему водкой ногу-то залилъ.

Василій Егоровъ считалъ водку самымъ цѣлительнымъ средствомъ и всегда рекомендовалъ ее отъ всѣхъ недуговъ, прибавляя: „вещь хлѣбная, пользительная“.

— Молодецъ, Василій Егоровичъ, сказалъ я, подходя къ нему, по нотамъ разыгралъ, а, главное впередъ опредѣлилъ, гдѣ пойдутъ матерые, гдѣ молодые. Опытный ты охотникъ, Василій Егоровичъ. Потѣшалъ ты насъ сегодня.

— Тутъ лазы извѣстные, сказалъ онъ скромно. Ошибочки были-сь,—что дѣлать. Два молодыхъ нетравленныхъ ушли. Ужъ это не дѣло-сь,—добро-бы переярокъ. Вотъ Василій Ивановичъ въ рѣку втравилъ, что дѣлать,—мѣсто коротко, собаки не усилились. Молодой одинъ по Леонтьеву лазу ушелъ-сь, когда они съ Петрушкой матерого травили-сь, а другого ужъ Александръ Васильевичъ прозѣвали-сь.

— Врешь, врешь, когда я прозѣвалъ-то! закричалъ Кругликовъ,—не видалъ-ты развѣ, что онъ низомъ прошелъ.

— По старости лѣтъ и по слабости зрѣнія—сказалъ важно Коммодъ Савельевичъ.

Старикъ Кругликовъ напустился на него и обругалъ его сильно.

— Оно конечно, продолжалъ Василій Егоровъ, выжлятники немного сфальшили—не успѣли до рѣки перехватить, стаю-то и упустили, ну онъ шумовымъ въ это время и проползъ, молодъ еще, опытности значить нѣтъ.

— Ну нѣтъ, заступился я за выжлятниковъ, мальчишки—молодцы. Арсюшка меня удивилъ, когда съ лошадыю махнулъ въ рѣку.

— Тутъ еще мало-сь, сказалъ Василій Егоровъ, указывая на лобъ. Опять, такъ будемъ говорить: Петрушка подай пораньше голосъ, Леонтій, глади, не подоспѣлъ-бы, можетъ материка-то и

осилили-бы,—на ниточку-бы еще придержать его, ну и принять-бы пришлось.

Агей въ это время щупаль волковъ:

— Папенька, маменька, маменька... говорилъ онъ, переходя отъ одного волка къ другому.

Подошелъ доѣзжачій со стаей и выжлятниками.

— Всѣ собаки-то что-ли? спросилъ Василий Егоровъ.

— Всѣ, отвѣтилъ Иванъ.

— Вы, выжлятники чертенята, напакостили таки, упустили черезъ рѣку стаю. Говорилъ вамъ — не зѣвай, сказалъ сердито Василий Егоровъ.

— Мы, дядюшка Василий, отвѣтилъ маленькій Арсюшка, и то сейчасъ, какъ только рогъ подали, такъ и поскакали. Да тамъ, смотри, какое болото—не переѣдешь, увязнешь, ну и пришлось объѣзжать.

Василій Егоровъ видимо понималъ, что онъ неправъ, ни слова не отвѣтилъ и, перемѣнивъ тонъ, сказалъ ласково:

— Ты бы, Арсюша, посушился у огня-то; мокрый весь.

— Ничего, не озябъ, отвѣтилъ тотъ.

— Крестникъ вѣдь мой, сказалъ Василий Егоровъ, лаская мальчика по головѣ. Привыкать сталъ, на дѣло пойдетъ.

Я вынулъ рублевую бумажку, далъ ее Арсюшѣ и спросилъ:

— Не боялся черезъ рѣку-то плыть?

Тотъ снялъ шапку, низко мнѣ поклонился и отвѣтилъ бойко:

— Чего бояться-то. Я плавать-то умѣю.

Подошелъ доѣзжачій. Все лице было у него въ кровавыхъ рубцахъ.

— Какъ ты лице-то испарапалъ, сказалъ я.

— Скачешь по лѣсу-то, чаще не убережешься, и то все руку впередъ держишь, а то того глади—глазъ вонъ.

— Куда Петрушка запропастился? Тутъ все былъ, куда его черти унесли? Поѣзжай, Ванюшка, обратился онъ къ выжлятнику, отыщи его.

— Давай водки, сказалъ Т-въ камердинеру.

— Водки нѣтъ, отвѣтилъ важно Коммодъ Савельевичъ, всю выпилъ, вотъ и поличное, прибавилъ онъ, указывая на пустую, валавшуюся бутылку.

— Я еще бутылочку нарочно припряталъ,—сказалъ, улыбаясь, камердинеръ, и подалъ водку.

— Молодецъ, геніальная голова, произнесъ важно Кусаевъ. Отъ Коммола водку прячь всегда, а то вся въ комодѣ будетъ.

Мы улыбнулись. Подали бульонъ. Кто цѣлый день проводилъ въ полѣ, тотъ пойметъ, съ какими удовольствіемъ принялись мы за горячій бульонъ и другія кушанья, которыя наскоро разогрѣвалъ и подавалъ поваръ.

Подошелъ Василий Егоровъ и, держа стаканъ водки, сказалъ, снимая шапку:

— Съ полемъ имѣю честь поздравить.

— Молитву, читай молитву, сказалъ Кусаевъ. Вы не слышали молитву, читаемую передъ принятіемъ живительной влаги?— обратился онъ ко мнѣ.

— Вы все шутить изволите, Коммодъ Савельичъ, сказалъ, улыбаясь, Василий Егоровъ и безъ всякой молитвы вытянулъ стаканъ.

— Какія-же шутки?—Это дѣло серьезное. Мученики Авраамій, Глѣбъ для водки имѣютъ большое значеніе.

Василій Егоровъ покачалъ головой.

— Грѣховодникъ вы, право, сказалъ онъ.

— Вы не знаете, кто этотъ человѣкъ? сказалъ Кусаевъ, снова обращаясь ко мнѣ и указывая на Василя Егорова. Нашъ Боткинъ, профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Мы въ уныніе погружаемся, продолжалъ онъ, подмигнувъ въ сторону Т-ва: въ меланхолиі часто находимся, сейчасъ рыжій Василю на лошадь, волковъ изъ земли выроетъ и уныніе какъ рукой сняло, и меланхолиа къ черту... Боткинъ, настоящій Боткинъ!

Т-въ улыбался. „Мой волкъ, я полагаю, далеко не уйдетъ“, сказалъ онъ, обращаясь къ Василю Егорову

— Не долженъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Вы два раза стрѣляли? спросилъ я Т-ва,—и оба раза попали?

— Попалъ, да плохо—отвѣтилъ онъ.

— Не плохо-съ, а не въ убойное мѣсто-съ, сказалъ Василю Егоровъ.

Пріѣхалъ Ванюшка, привезъ затравленнаго молодого волка, но Петрушки не было.

— А Петрушка гдѣ? спросилъ Кругликовъ.

— Не ѣдетъ, Александръ Васильевичъ, сидитъ тамъ на кочкѣ, надъ Похваломъ реветъ. На кого, говоритъ, ты меня покидаешь! и Ванюшка захохоталъ. Я сталъ ему говорить, нешто отецъ тебѣ Похваль-то, что-ли? А онъ говоритъ, убирайся ты, говоритъ, къ чертямъ, можетъ онъ мнѣ, говоритъ, трехъ отцевъ дороже, и Ванюшка опять захохоталъ. Просилъ телѣжку прислать, Похвала везти.

Послали телѣжку и привезли Петрушку съ Похваломъ на колѣняхъ. Громадная зіяющая рана была у Похвала на боку. Лоскутами висѣла окровавленная кожа. Петрушка положилъ Похвала на землю и горько заревѣлъ.

— Что ты, дуракъ, ревешь-то, сказалъ Василій Егоровъ, разсматривая рану Похвала. Материка-то, паршивый чертъ, упустилъ. Ты-бы еще завтра на драку-то голосъ подаль.

— Я, Василій Егорычъ, говорилъ сквозь слезы Петрушка, вѣдь думалъ, переярокъ. Въ кочкахъ-то не разглядѣлъ. Сейчас умереть, думалъ—переярокъ, ужъ только какъ онъ собакъ больно швырять сталъ...

— Ну полно, распустилъ нюни-то. Неси его сюда въ кусты. Да воды давай.

Я подошелъ къ Похвалу. Рана была большая, страшно глубокая. Собака жалобно стонала. Меня передернуло. Василій Егоровъ размылъ рану, досталъ изъ кожаной сумки кривую иголку, скрутилъ нитку и принялся зашивать рану Похвала. Старикъ Кругликовъ и Петрушка держали собаку.

— Въ осень звѣрь этотъ что собакъ у насъ перегадилъ, страсть,—говорилъ, качая головой, стоявшій тутъ кучеръ Морозовъ. Подошелъ Коммодъ Савельевичъ.

— Сраженіе кончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля, сказалъ онъ. Только генералы спаслись, одинъ, впрочемъ, получивъ, должно быть изъ ружья главнокомандующаго, серьезную рану. Этотъ несчастный, прибавилъ онъ, указывая на Похвала, попалъ въ печальную реляцію, вслѣдствіе усерднаго и доблестнаго исполненія своего долга.

Покончивъ съ Похваломъ, Василій Егоровъ подошелъ къ Т-ву.

— Въ верхній отъемъ не набросить-ли? спросилъ онъ, указывая на гору. Одинъ молодой туда ушелъ и лисичка шумовая туда-же проползла-съ.

Т-въ вынулъ часы. „Поздно“, сказалъ онъ. Василій Егоровъ посмотрѣлъ на солнце.

— Поздно-то? оно точно поздно.—Такъ домой прикажете?

— Да. Пускай напьются чаю и домой. Ты въ тарантасѣ поѣдешь?

— Такъ точно-съ, въ тарантасѣ. На моей лошади поваръ ужъ домой уѣхалъ, кушать готовить поторопился.

Напились чаю. Стремянной далъ въ рогъ; все засуетилось. Волковъ привязали на градки телѣжки и тарантаса. Въ тарантасѣ уѣлся Коммодъ Савельевичъ, Василій Егоровъ, на козлы

чухна. Въ телѣжку къ камердинеру положили Похвала, приче́мъ Петрушка слезно упрашива́лъ довести получше собаку. Подоше́лъ къ тарантасу какой-то мужи́къ съ дубиной.

— Тамъ волчище большичинный въ полѣ лежитъ, сказа́лъ онъ, снимая шапку; я къ яму подоше́лъ,—отбѣ́жалъ маленько, опять легъ. Поопасся я, признаться, подойти близко,—огрыза́ется больно.

Васи́лій Егоровъ взя́лъ ружье, приказа́лъ Морозову со сворой ѣ́хать за нимъ, посади́лъ мужика въ телѣжку и уѣ́халъ отыски-вать волка. Мы, проѣ́хавъ село, остано́вились у одо́нцевъ, жда́ть Васи́лія Егорова. Т-вѣ лежа́лъ на буркѣ, ни слова не говоря и безпрестанно смотре́лъ то на заходящее солнце, то на часы.

Вскорѣ́ показале́сь телѣ́жка. Попере́къ лежа́лъ грома́дный волчи́на съ высуну́тымъ язы́комъ, изъ рта струи́лась кровь.

— Эвона!—закрича́лъ чухна, слѣ́зъ съ козе́лъ, пощупа́лъ волка, сказа́лъ: „Маменька“ и снова залѣ́зъ на козлы.

Всѣ́ обступили волчицу.

— Въ правый бо́къ по первому-то выстрѣ́лу, а изъ лѣ́ваго въ за́дъ, объясня́лъ намъ Васи́лій Егоровъ, указы́вая на раны волчи́цы.

— Жива́ была, когда ты ее наше́лъ? спроси́лъ Т-вѣ.

— Мертва́ почти. Дышала́ еще. Я то́лько по носу палко́й раза два удачи́лъ,—ну и гото́ва.

— Ну поле!—сказа́лъ я, обраща́ясь къ Т-ву.

— Поле́ хорошее, отвѣ́тилъ онъ—и снова посмотре́лъ на часы.

— Молоды́хъ-то двухъ упусти́ли, жалко,—сказа́лъ недово́льнымъ тоно́мъ Васи́лій Егоровъ.

— На ко́ня! сказа́лъ Т-вѣ. Тарантасъ—дорогой, а мы о́пять пра́мо поле́мъ.

Стало́ смеркаться. Т-вѣ́ снова посмотре́лъ на часы и, обраща́ясь къ стари́ку Кругли́кову, сказа́лъ:

— Вы иди́те, Алекса́ндръ Васи́льевичъ, а я васъ догоню.

Онъ кру́то поверну́лъ лоша́дь и небольшо́й рысью поѣ́халъ по напра́вленію къ бере́зовой ро́щѣ, кото́рая была видна́ нева́лекѣ́ отъ села. Стре́мянной Арсе́нтій поверну́лъ за нимъ.

— Не ѣ́зди, не ну́жно, крикну́лъ ему Т-вѣ.

Мы по́шли даль́ше. Доѣ́зжа́чій со стае́й шелъ впе́реди.

— Тутъ-бы́ заровня́ться. Може́тъ что и вскочи́тъ, сказа́лъ стари́къ Кругли́ковъ, указы́вая на ржа́ное поле.

— Темно́, тятенька, отвѣ́тилъ Никола́й—собаки́ не по́мѣ́тятъ. Вскорѣ́́ стало́ совсе́мъ темнѣ́ть.

— Иванъ, крикнулъ старикъ Кругликовъ, надо остановиться— подождать барина-то. Тотъ повернулъ лошадь и остановился. Измученныя гончія, обрадовавшись, свернулись въ кучку и легли подъ задними ногами иноходца. Всѣ слѣзли съ лошадей. Прошло нѣсколько минутъ; старикъ началъ беспокоиться:

— Что это баринъ-то не ѣдетъ, говорилъ онъ, качая головой. Подай-ка, Иванъ, рогъ.—Звучно раздался рогъ Ивана среди ночной тишины; переливаясь и постепенно ослабѣвая, далеко улеталъ звукъ. Отвѣта не было. Кругликовъ легъ на землю и приложилъ ухо.

— Не слышать, говорилъ онъ. Послушай-ка ты, Коля, не услышишь-ли?

— Зачѣмъ онъ къ лѣсу-то поѣхалъ? спросилъ я старика.

— А давешняя-то,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо,—Машка-то, чай тамъ.

Я посмотрѣлъ на старика. Никакого уваженія къ красотѣ, подумалъ я. О старость!, а вѣроятно прежде самъ былъ охотникъ до бабъ. Но рыцарское чувство къ женщинѣ исчезло, а можетъ быть и прежде не было его.

— Не слышать ничего, тятенька, сказалъ Николай, приподнявшись съ земли.

— Надо мнѣ ѣхать, рѣшилъ Арсентій,—надѣлъ на собакъ намордники, отдалъ свору выжлятнику и рысью поѣхалъ по направленію къ селу. Прошло полчаса. Никакого звука не было слышено. Тьма сдѣлалась такая, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Леонтій спалъ мертвымъ сномъ, издавая носомъ невѣроятные звуки. Остальные борзятники потѣшались надъ Петрушкой:

— Онъ не подалъ на драку, потому одинъ матерого за- травить хотѣлъ, говорилъ Николай, да вотъ собаку и за- травилъ.

Петрушка ничего не отвѣчалъ и молча сидѣлъ, опустивъ голову. Старикъ беспокоился все больше и больше.

— Не случилось-ли что нибудь? говорилъ онъ. Подавай, Иванъ голосъ, подавай чаще.

Мы сѣли въ кружокъ и закурили папирсы.

— Долго и такъ что-то, говорилъ Морозовъ

— И ума не приложу, не заблудился-ли? повторялъ старикъ,

— Гдѣ имъ заблудиться, сказалъ Иванъ. Они тутъ мѣстность всю хорошо знаютъ.

Прошелъ часъ. Кругликовъ приходилъ въ отчаяніе.

— Не послать-ли еще Николая? спрашивалъ онъ меня. Спать, черти! сказалъ онъ, взглянувъ на заснувшихъ борзятниковъ.

— Чу,—вдругъ сказалъ Иванъ, — словно Арсентій голосъ подаетъ?. Старикъ снова прилегъ къ землѣ.

— Стой-ка! крикнулъ онъ трубившему Ивану. Точно, и такъ Арсентьевъ рогъ.

— Ну-ка, подай еще,—отвѣчаетъ,—сказалъ, успокоившись, Кругликовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ снова подаль голосъ. Вдали, на этотъ разъ явственно, послышался рогъ Арсентія. Борзятники проснулись и, минутъ черезъ десять, мы услышали топотъ лошадей.

— Извините, пожалуйста, Петръ Николаевичъ, сказалъ, подѣзжая, Т-въ. Мнѣ нужно было сторожа видѣть.

— Знаемъ мы этихъ сторожей. Охъ эти бабы! шепталъ себѣ подъ носъ, недовольнымъ тономъ Кругликовъ.

— Ты что тамъ ворчишь? Не ворчатъ, старина! крикнулъ ласково Т-въ. Собакъ со своръ сбросьте и маршъ...

Иванъ двинулся, мы потянулись за нимъ. Ночь была самая темная. Лошади безпрестанно спотыкались по неровному полю, одинъ Гудаль шелъ совсѣмъ твердой поступью и ни разу не спотыкнулся.

— На дорогу-бы поскорѣе выбратся—сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, крикнулъ Иванъ, на дорогу тутъ нескоро попадемъ.

— На Нератовскомъ полѣ мы на дорогу выберемъ, сказалъ Т-въ. Овражекъ будетъ скверно переѣзжать, а скоро онъ долженъ быть...

Видно было, что онъ лучше всѣхъ зналъ эту дорогу. Вѣроятно часто ѣздитъ къ своей красавицѣ, подумалъ я, и какое-то непріятное чувство зависти шевельнулось во мнѣ.

— Пѣсню, Петрушка, начинай! крикнулъ Т-въ.

Вдругъ сзади раздался чистый, звучный теноръ:

„Внизъ по м-а-а ту-ш-кѣ по Во-олгѣ“. Хоръ подхватилъ и далеко, далеко раздалась русская пѣсня; переливаясь, неслась она по безконечной пустотѣ, шири и глади, въ эту непроглядную ночь. Металлическій, высокій теноръ Петрушки покрывалъ весь хоръ.

— Вражекъ, — вдругъ крикнулъ доѣзжачій. Пѣсня умолкла, всѣ остановились. Послышался плескъ воды; „къ заду, къ заду!“ кричали голоса выжлятниковъ.

— Ну, чертъ, втюрился! крикнулъ выжлятникъ Ванюшка и слышно было, какъ лошадь вымахнула изъ болота.

— Тутъ благо,—не съѣдете. Поправѣе не лучше-ли? крикнулъ Иванъ съ той стороны оврага.

Ни зги, какъ говорятъ, не было видно. Мы стояли съ Т-мъ, онъ толкнулъ Гудала, тотъ легко перемахнулъ вражекъ.

Я хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но мой Донецъ уперся. Я ударилъ его арапникомъ. Сильный толчекъ почувствовалъ я на сѣдлѣ и сразу ударился головой во что-то мягкое, нога была придавлена.

— Слетѣлъ! крикнулъ я.

Подбѣжалъ народъ, кто-то зажегъ спичку. Я сдѣлалъ усиліе и вытащилъ ногу. Мой конь лежалъ въ оврагѣ.

— Ушиблись? спросилъ Т-въ, когда я вкарабкался наверхъ промоины.

— Нѣтъ, ничего,—только выпачкался, отвѣтилъ я.

Налѣво старикъ Кругликовъ кричалъ: „увязъ, увязъ, чертъ его дери!“. Вытащили лошадь Кругликова. Наконецъ всѣ перобрались и снова двинулись въ путь.

— Петрушка, плясовую! крикнулъ Т-въ. Петрушка, который въ эту минуту ѣхалъ рядомъ со мной, началъ что-то выторачивать и, вдругъ ударивъ раза три въ бубенъ, запѣлъ своимъ чуднымъ голосомъ:

Ахъ вы сѣни, мои сѣни....

„Сѣни новыя, кленовыя“ подхватилъ хоръ. У Николая Кругликова оказалась гармонія. Кончили пѣсню и ѣхали нѣсколько минутъ молча.

— Точно кто въ рогъ подаетъ, сказалъ Морозовъ, останавливая лошадь, но ничего не было слышно. Черезъ нѣкоторое время ясно услышали всѣ звуки рога и рѣшили, что это Василий Егоровъ изъ тарантаса даетъ намъ знать, гдѣ дорога. Иванъ остановилъ лошадь.

— Что-то неладно,—сказалъ онъ.

— А что? спросили нѣсколько голосовъ.

— Вѣдь подають-то на драку. Постой.

Всѣ приостановились.

— На драку, на драку, сказалъ утвердительно доѣзжачій.

Николай, Леонтій, Морозовъ и Петрушка отдали въ рогъ голосъ и помчались каррьеромъ вправо по направленію, откуда раздавался призывъ.

„Сломають они себѣ шею“ — подумалъ я.

— Должно тарантасъ сломался, сказалъ старикъ Кругликовъ.

Мы ѣхали шагомъ. Раза два еще слышенъ былъ рогъ и потомъ все умолкло. Черезъ нѣсколько время Т-въ крикнулъ стремящему.

— Подай голосъ, гдѣ они тамъ?

Едва тотъ успѣлъ приложить къ губамъ рогъ, какъ вблизи раздались голоса.

— Здѣсь, сюда, сюда!—Мы подѣхали.

— Тарантасъ въ канавѣ,—послышался чей-то голосъ и затѣмъ къ намъ подошелъ Василий Егоровъ.

— Тарантасъ перевернули-сь. Все Коммодъ Савельевичъ,—выворачивай, кричатъ, изъ колеи. Я имъ докладывалъ, что ночью помимо колеи ѣхать нельзя-сь. Такъ нѣтъ таки: Васютка вывернулъ вправо, да тарантасъ вверхъ колесами и поставилъ-сь.

— Надо вытащить—сказалъ Т-въ.

— Ничего не видать, я Артамона въ лѣсъ за хворостомъ послалъ, огня развести нужно.

— Я принесъ хворосту-то, послышался голосъ Артамона.

Чухна натаскалъ изъ телѣжки сѣна и живо въ одну минуту развелъ сильный огонь. Тарантасъ дѣйствительно вверхъ колесами стоялъ въ небольшой промоинѣ. Коренная бокомъ лежала на оглобляхъ; пристяжная, уныло повѣсивъ голову, стояла на бугрѣ съ оборванными постромками. Телѣжка неподалеку благополучно стояла на дорогѣ. Подушки, коробъ, убитыя лисы, ружья и другія разныя вещи, валялись въ беспорядкѣ по краямъ промоины. Всѣ слѣзли съ лошадей. Исполнявшій обязанности кучера, маленькій Васютка стоялъ близъ пристяжной и испуганно смотрѣлъ то на старика Кругликова, то на Василя Егорова, то на Морозова, очевидно соображая, отъ кого получить онъ таску за подобное крушеніе тарантаса.

— Соплякъ вшивый, началъ первый Кругликовъ. Куда тебя черти понесли? Не ѣхалось тебѣ дорогой-то. Распустилъ соплито, говорилъ онъ, распутывая поводъ пристяжной.

— Это все Капотъ Савеличъ, отвѣтилъ Васютка слезливымъ голосомъ,—выворачивай, говорить, изъ колеи. Я и выворотилъ. Вѣдь ничего не видать.

— Вѣрно, это я виновникъ этому происшествію, сказалъ важно Кусаевъ.

— Не ушиблись?—спросилъ Т-въ.

— Нѣтъ, пострадалъ кажется одинъ Агей Михайловичъ, г-нъ Пуссо.

— Нашъ маленько нога ломалъ—отозвался тотъ, сидя на

корточкахъ у огня и раскуривая трубку, повидимому и не думая помочь вытащить тарантасъ.

— Какъ еще, дивлюсь, шея не сломалъ. Черезъ лошадей перелетѣлъ, сказалъ Василій Егоровъ.

— Ну, шея! зачѣмъ шея ломалъ, будетъ нога,—глубокомысленно отвѣтилъ Агей.

— Давай, ребята, лошадей скорѣй отпрягай! крикнулъ Морозовъ.

Живо отпрягли лошадей и вывели изъ промоины.

— За заднія колеса, дружнѣй берись, командовалъ Морозовъ.

Долго возились, никакъ не могли вытащить тарантаса. Наконецъ мы всѣ стали помогать и общими усилиями вытащили его изъ канавы. Морозовъ перевязалъ сломанную оглоблю, связали тяжъ и постромки, заложили лошадей. Чухна взялъ за хвостъ убитую имъ лису, надѣлъ торчкомъ ружье и отправился полемъ.

— Куда ты? крикнулъ ему кто-то.

— Ну нашъ прямо пошелъ, отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь. Тутъ опять голова ломалъ.

Въ 11-мъ часу пріѣхали мы домой. За ужиномъ Кусаевъ былъ грустенъ и ничего не пилъ; когда мы всѣ перешли въ кабинетъ, разговоръ шелъ объ охотѣ и о сегодняшнемъ удачномъ полѣ. Я съ большимъ одобреніемъ отозвался о стаѣ, коснулся знаній Василя Егорова, расторопности Ивана и удали борзятниковъ.

— Были промахи, но безъ этого трудно, замѣтилъ Т-въ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на заграничныя путешествія и, несмотря на усталость, я съ удовольствіемъ, далеко за полночь, слушалъ интересные рассказы хозяина.

V.

На другой день я поздно проснулся; былъ уже одиннадцатый часъ, когда я вышелъ въ столовую. Старикъ Кругликовъ сидѣлъ за самоваромъ.

— А хозяинъ? спросилъ я.

— Сейчасъ будутъ.

Когда вышелъ Т-въ, я обратился къ нему съ просьбой дать мнѣ лошадей доѣхать до города.

— Въ этомъ случаѣ, отвѣтилъ онъ, позвольте мнѣ воспользоваться властью хозяина и отпустить васъ послѣ ранняго обѣда.

— Боюсь—будетъ темно и, какъ вчера наши охотники, очутись подъ тарантасомъ.

— За благополучное доставленіе васъ въ городъ, я вамъ ручаюсь.

— Въ такомъ случаѣ я съ удовольствіемъ подчиняюсь волѣ хозяина.

— А гдѣ Коммодъ Савельевичъ? спросилъ Т-въ.

— Рано уѣхали, отвѣтилъ Кругликовъ, даже ни чаю, ни водки не пожелали. Я ихъ оставлялъ — нѣтъ, говорятъ, домой пора. Выпросилъ у экономки какихъ-то куръ, забралъ ихъ и уѣхалъ.

Цѣлый день провели мы на бѣгу и смотрѣли проѣзду лошадей, а въ три часа сѣли обѣдать.

Долго продолжался этотъ ранній обѣдъ, а у подъѣзда слышался звонъ колокольчика и бубенчиковъ поданной тройки.

Я посмотрѣлъ на часы; былъ уже шестой часъ. Я всталъ и началъ прощаться. Хозяинъ вышелъ на подъѣздъ меня провожать. У подъѣзда стояла коляска, запряженная тройкой небольшихъ степныхъ лошадей. Старикъ Кругликовъ и Василій Егоровъ стояли около коляски.

— Ты, Степка, обратился тутъ-же стоявшій кучеръ Морозовъ къ сидѣвшему на козлахъ ямщику, — Васильевскимъ-то лугомъ бери поправѣе, а налѣво-то не ѣзди, тамъ ямъ много.

— Ладно, я тутъ знаю гдѣ объѣхать, отвѣтилъ тотъ.

Я дружески простился съ хозяиномъ, поблагодаривъ его за радушный приѣмъ.

— Собирайтесь завтра въ отъѣздъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Василью Егорову.

— Слушаюсь, — отвѣтилъ тотъ.

— Пускай! — крикнулъ ямщикъ.

Конюха разступились. Сразу вся тройка понесла насъ по аллеѣ парка. Отъ быстрой ѣзды колокольчикъ замеръ и, несмотря на то, что Степанъ лежалъ на возжахъ и безпрестанно сильно передергивалъ иноходца, тройка продолжала нести насъ полнымъ карьеромъ. Когда пришлось круто повернуть въ аллеѣ, Степанъ всей своей силой налегъ на одну возжу, задокъ коляски сильно отбросило въ противоположную сторону и Степанъ даже привскочилъ на козлахъ. Тройка продолжала скакать.

— Онѣ насъ разнесутъ, сказалъ я Степану.

— Не разнесутъ, обойдутся, — отвѣтилъ онъ увѣренно. Видно было, что онъ привыкъ къ такимъ выходкамъ лошадей, и дѣйствительно, къ спуску рѣчки тройка шла уже шагомъ, а подъ гору иноходецъ ползкомъ спустилъ коляску. Попадавшіеся мужики

далеко снимали шапки и сами, безъ голоса ямщика, сворачивали съ дороги. Видно было, что они знали лошадей. Ловко обтѣвжалъ Степанъ всѣ ямы, а рессоры коляски были такъ покойны, что я даже по такой скверной дорогѣ не чувствовалъ никакихъ толчковъ. „Это не Чижовскій рыдванъ“, подумалъ я.

— Давно ты кучеромъ служишь? спросилъ я Степана.

— Второй годъ, отвѣтилъ онъ.

— А прежде что дѣлалъ?

— Конюхомъ былъ, а перва на псарный поступилъ, въ наварную,—учился, значить, около собакъ. Потомъ годъ выжлятникомъ ѣздилъ. Больно въ ту пору осень мокра была, я и простудился значить, чирья по всему тѣлу одолѣли; ну Василій Егоровъ и говорить: ты, говорить, Степашка, къ этому дѣлу не годишься, потому, говорить, сыръ человекъ, тутъ, говорить, сухой человекъ справить можетъ; ну, меня на заводскую въ конюха предѣлили, да вотъ ужъ второй годъ подручнымъ ѣзжу.

Начало темнѣть.

— Сильно темнѣетъ, обратился я съ беспокойствомъ къ Степану.

— Темнѣетъ—отвѣтилъ онъ равнодушно, и тотчасъ-же крикнулъ на лошадей:

— Ну, что тутъ, эхъ вы, варвары!

Прошло нѣсколько минутъ; совсѣмъ стемнѣло.

— Ничего не видать, Степанъ, опять сказалъ я.

— Ничего, повторилъ онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Я даже и тебя не вижу, приставалъ я, начиная беспокоиться болѣе и болѣе.

— Гдѣ тутъ видѣть, темъ какая,—сказалъ онъ все тѣмъ-же спокойнымъ тономъ и крикнулъ, ударивъ по всѣмъ по тремъ:

— Ну, что вы приуныли!

— Когда большая гора придетъ, я сойду, Степанъ, пѣшкомъ пойду.

— Зачѣмъ сходить, у насъ этого заведенія нѣтъ.

— На мостъ не попадемъ.

— Какъ не попасть,—отвѣтилъ онъ.—Вонъ наши. Сказавъ это, онъ зычнымъ голосомъ заоралъ: „Эй, ей!“.

Тотчасъ-же отвѣтили въ рогъ. Я посмотрѣлъ впередъ,—два фонаря приближались къ намъ. Въ этой тѣмѣ, фонари показались мнѣ свѣтлѣе электрическихъ фонарей Невского проспекта.

— Наши фонарщики, сказалъ онъ и остановилъ лошадей.

Петрушка-борзятникъ и подбойщикъ Ванюшка подѣхали къ намъ верхомъ съ фонарями.

— Зажигай! сказалъ Степанъ, и они еще зажгли два фонаря коляски.

Со свѣтомъ четырехъ фонарей, весело покатили мы. Безпрестанно слышались голоса скакавшихъ впереди верховыхъ:

— Налѣво яма, тише. Право держи, сворачивай, кричали они попадавшимся мужикамъ.

Я замѣтилъ сильный наклонъ впередъ коляски.

— Это оврагъ, стой—я слѣзу.

— Ужъ спустили,—отвѣтилъ Степанъ и дѣйствительно мы уже вѣзжали на мостъ.

— На уносъ, трогай!—крикнулъ Степанъ верховымъ—и тройка карьеромъ вынесла въ гору. Менѣ чѣмъ часть три четверти ѣхали мы, и я не чувствовалъ никакой усталости, когда Степанъ сразу остановилъ взмыленную тройку у подъѣзда гостиницы.

— Вы гдѣ кормить будете? спросилъ я, давая ребятамъ на чай.

— Мы не кормя оборотимъ, отвѣтилъ Степанъ; наша лошадь привычная, прибавилъ онъ.

— Когда тутъ кормить, сказалъ Петрушка.—Завтра въ отѣзжее приказъ былъ. Гасить фонари-то что-ли? спросилъ онъ ямщика.

— Гаси, сказалъ Степанъ.

— Вы-бы не гасили, темно, посовѣтовалъ я.

— И такъ съѣдемъ, что даромъ свѣчи-то палить, отвѣтилъ онъ и, поклонившись мнѣ, шагомъ тронулся въ обратный путь.

„Ну, ребятинки! народъ бывалый, привычный“, подумалъ я, входя въ свой номеръ.

Всю ночь снилась мнѣ охота. Василій Егоровъ верхомъ на своемъ конѣ, огромный волкъ, сѣдлившійся съ Похваломъ, но вдругъ появился передъ мной образъ, видѣнной мною наканунѣ, красавицы Маши. Какъ живая, стояла она съ своей милой, радостной улыбкой на губахъ. Ея блестящія, черныя глаза смотрѣли на меня прямо вызывающимъ, сладострастнымъ взглядомъ. „Боже мой, какъ она хороша!“ подумалъ я и проснулся. Взять-бы ее съ собой—увезти за границу, мелькнуло у меня въ головѣ и снова я вспомнилъ:

„Да не то тебѣ пало на долю:
За веряху пойдешь мужика“.